

ТАЙНОЕ ПИСЬМО

По мотивам невероятной, но реальной истории

ДЕББИ РИКС

Дебби Рикс
Тайное письмо
Серия «Дверь в прошлое»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68402434
Тайное письмо: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-138049-6

Аннотация

Германия, 1939 год. Тринадцатилетняя Магда опустошена: лучшую подругу Лотту отправили в концентрационный лагерь, навсегда разлучив с ней. И когда нацисты приходят к власти, Магда понимает: она не такая, как другие девушки в ее деревне. Она ненавидит фанатичные новые правила гитлерюгенда, поэтому тайно присоединяется к движению «Белая роза», чтобы бороться против деспотичного, пугающего мира вокруг. Но когда пилот английских ВВС приземляется в поле недалеко от дома Магды, она оказывается перед невозможным выбором: позаботиться о безопасности своей семьи или спасти незнакомца и изменить ситуацию на войне. Англия, 1939 год. Пятнадцатилетнюю Имоджен отрывают от семьи и эвакуируют в безопасное убежище вдали от войны, бушующей по всей Европе. Все, что у нее есть, – это письма, которые она пишет близким. Но Имоджен не знает, что по другую сторону баррикад ее судьба зависит от действий одного человека.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Странная война. 1939–1940 годы	11
Глава первая	12
Глава вторая	22
Глава третья	41
Глава четвертая	57
Глава пятая	66
Глава шестая	77
Глава седьмая	85
Глава восьмая	105
Глава девятая	114
Глава десятая	126
Глава одиннадцатая	137
Часть вторая. Построение маршрута. 1942–1943	145
Глава двенадцатая	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Дебби Рикс

Тайное письмо

Debbie Rix

THE SECRET LETTER

Copyright © Debbie Rix, 2019

© Наталия Нестерова, перевод на русский язык 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Моей матери и отцу, чьи дневники, письма и личные переживания вдохновили меня на создание таких персонажей, как Имоджен и Фредди

В войне – непоколебимость, в поражении – непреклонность, в победе – великодушие, в мире – добрая воля.

Уинстон Черчилль

Пролог

Чизик, Лондон, декабрь 2018 года

Письмо приземлилось на коврик в тот самый момент, когда Имоджен вышла из кухни в тесную прихожую. Обычно она не обращала внимания на ничем не примечательные коричневые конверты, которые проскальзывали сквозь отверстие для писем. Они днями лежали нетронутыми, образовывая неопрятную кучку, пока у Имоджен не возникала необходимость их убрать просто для того, чтобы открыть дверь. Но даже на расстоянии она заметила, что конверт подписан от руки, и это ее заинтриговало. Невзирая на боль в воспаленных от артрита суставах, она медленно наклонилась, подняла письмо вместе со стопкой счетов и отнесла их в находившуюся позади дома оранжерею. Там она уселась в свое любимое плетеное кресло, залитое лучами зимнего солнца. Имоджен отложила не интересовавшие ее письма на стоявшую перед ней скамейку для ног, которая была обита ковровой тканью, а сама стала изучать подписанный от руки конверт. Не обнаружив никаких опознавательных знаков, кроме немецкого почтового штемпеля, она просунула свой тонкий изящный палец под клапан конверта.

Дорогая Имоджен!

Надеюсь, Вы простите меня за то, что я побеспокоила Вас, ведь мы с Вами никогда не

встречались. Но все же позвольте мне представиться. В юности я была знакома с Вашим мужем – тогда я жила в маленькой немецкой деревушке. После войны мы потеряли друг с другом связь, но я очень огорчилась, когда совсем недавно от нашего общего друга мне стало известно о его кончине. Понимаю, с момента его смерти прошло уже почти два года, но если бы я сразу узнала об этом, то приехала бы в Англию, чтобы встретиться с Вами и лично выразить мои соболезнования.

Вам наверняка будет интересно, как мы с ним познакомились. Позвольте все рассказать. В 1945 году, в последний месяц войны, он провел со мной и с нашей семьей всего несколько дней, имевших, однако, огромное значение. Он был одним из самых храбрых людей среди всех, кого я встречала, и, без сомнения, благороднейшим. Находясь в нашей деревне, Ваш муж продемонстрировал небывалое мужество и бесконечную доброту, и я давно уже искала возможность отблагодарить его за это.

Следующей весной я решила организовать небольшую церемонию признательности и примирения в память о том, что здесь произошло. Поскольку Ваш муж не сможет на ней присутствовать, не хотели бы Вы приехать в Германию вместо него? Речь идет о темном периоде в нашей истории, и позднее я Вам все подробно объясню. Вы можете остановиться у меня. Я живу на ферме рядом с деревней, и мы будем рады принять Вас.

*С нетерпением жду Вашего ответа.
Всегда ваша, Магда*

Имоджен сняла очки и посмотрела на застывший сад за окном. На лужайке все еще лежал иней, а на краю кормушки для птиц сидела малиновка, сжимавшая проволочный каркас крошечными коготками. Имоджен встала и подошла к французскому окну, чтобы получше рассмотреть ее, но пугливая пташка тут же улетела.

«Магда», – пробормотала Имоджен себе под нос. Она увидела в стекле свое отражение: все еще высокая, с прекрасной, несмотря на артрит, осанкой; в неестественно темных для женщины ее возраста волосах виднелись широкие седые пряди. Магда... Это имя казалось знакомым, но вместе с тем звучало как отголосок далекого прошлого.

Имоджен подняла крышку стоявшего около окна сундука из сосны. Его привезли сюда из дома ее отца после его кончины, больше тридцати лет назад, и с тех пор практически не пользовались. В то время ее занимали совсем другие дела: ей было чуть больше шестидесяти, она по-прежнему работала архитектором, помогала своим взрослым, но еще достаточно молодым детям, и у нее не было ни времени, ни желания поинтересоваться его содержимым. Имоджен знала, что в сундуке хранились памятные для семьи вещи вроде альбомов с фотографиями, но сейчас ей пришла в голову мысль, что, возможно, она отыщет здесь информацию о том, кто такая Магда.

Имоджен открыла небольшую обитую красной кожей шкатулку и нашла там медали отца за Первую мировую и маленькую картонную коробку с медалью короля Георга, доставленную по почте ее бабушке вместе с письмом, в котором сообщалось, что ее другой сын – Берти, брат отца Имоджен, – погиб. В письмо была завернута пожелтевшая фотография. На ней – молодой человек в военной форме с высоким лбом и яркими светлыми глазами смотрел в камеру. «Какая утрата», – тихо проговорила Имоджен. Она тяжело опустилась на подставку для ног и взяла старую трубку своего отца. Поднесла ее к носу и вдохнула знакомый запах, который каким-то невероятным образом сохранился за эти годы.

Имоджен продолжила изучать содержимое сундука и нашла альбомы с многочисленными маленькими черно-белыми фотографиями, на которых были запечатлены давно умершие члены семьи. Среди них она обнаружила фотографию семи маленьких девочек в белых фартуках поверх темных платьев. Они стояли в ряд вдоль деревянного забора на каменистом пляже. Под фотографией аккуратным почерком ее матери была сделана подпись с перечислением имен девочек: «Мими, Белла, Амелия, Роуз и друзья. Август 1902». Нашла она и фотографии своей матери в молодости: хорошенькой и жизнерадостной, с тонкой талией, затянутой в корсет, и волосами, убранными наверх. Фотографию со свадьбы родителей: ее мать в свадебном платье по моде двадца-

тых годов и отец – высокий, подтянутый, в шляпе-цилиндре. Ее собственную свадебную фотографию: Имоджен в длинном платье из кремового атласа и фате, ниспадающей волнами на землю.

На дне сундука лежала старая коробка из-под обуви, приобретенной в магазине в Ньюкасле под названием «Бэйнбридж и Ко». На ее крышке была изображена женщина в платье с широкой развевающейся юбкой, а рядом – подпись: «Прекрасная женская обувь». Имоджен улыбнулась: ее мать обожала красивые туфли. Коробка оказалась заполнена письмами. Изучая даты и почтовые штемпеля на бледно-голубых, кремовых и зеленых конвертах, она узнала свой детский почерк и поняла: это были те самые письма, которые она посылала домой матери, когда еще была ребенком. Как же это трогательно, что мать хранила их, аккуратно разложив в хронологическом порядке, и так удивительно, что они пролежали здесь, никем не тронутые, все это время.

Имоджен извлекла из кремового конверта одно из писем. Оно было датировано шестым октября 1939 года – самое начало войны. Имоджен было пятнадцать, и ее вместе со школой эвакуировали из Ньюкасла в безопасный Озерный край.

«Как бы я хотела, чтобы ты была здесь, – писала она своей матери, – и помогала бы мне справляться со всеми неприятностями. Миссис Линфилд ужасно гадкая, а Хелен вовсе не так мила, как казалась на первый взгляд. Сегодня

у меня опять все болит, математика никак не решается, а Хелен на следующей неделе собирается уехать навестить своих маму с папой и останется там на целую неделю»...

К удивлению Имоджен, слезы потекли из ее бледно-зеленых глаз, когда она вспомнила о той юной девушке, которая оказалась одна в сотнях миль от дома. Письмо было переполнено жалостью к самой себе – Имоджен уже забыла, что когда-то была способна на это чувство.

Перебирая выцветшие конверты, она пыталась вспомнить, какими были первые недели войны, когда все казалось таким простым и ясным...

Часть первая. Странная война. 1939–1940 годы

Как национал-социалист и немецкий солдат я вступаю в борьбу с отвагой в сердце. Вся моя жизнь – одна нескончаемая борьба за мой народ, за его возрождение, за Германию. И в этой борьбе есть лишь одно кредо – вера в народ. Одно слово всегда мне было неведомо, и слово это – капитуляция. <...> Если наша воля так сильна, что никакие беды неспособны ее сломить, тогда наша воля и наша германская мощь смогут все преодолеть.

Из речи Адольфа Гитлера в Рейхстаге 1 сентября 1939 года

Я обращаюсь к вам из кабинета на Даунинг-стрит, 10. Этим утром британский посол в Берлине поставил перед немецким правительством ультиматум: если до одиннадцати утра они не сообщат нам о своей готовности вывести войска из Польши, нами будет объявлена война. Сейчас я вынужден вам сообщить, что подобных действий не было предпринято, и, следовательно, наша страна вступает в войну с Германией.

*Премьер-министр Великобритании Невилл
Чемберлен, 3 сентября 1939 года*

Глава первая

Ньюкасл, Англия, последние дни августа 1939 года

Имоджен Митчелл слонялась без дела по глухому переулку и водила по ограде длинной палкой, которая издавала при этом приятный глухой стук.

– Бум, бум, бум... – повторяла она себе под нос в такт стуку палки.

– Имоджен Митчелл! Прекрати немедленно!

Это кричала миссис Макмастерс, жившая в доме, расположенном напротив величественного викторианского особняка из красного кирпича, который принадлежал семье Имоджен. Миссис Макмастерс обреза́ла в своем саду увядшие бутоны на кустах гортензии. На ней была юбка до колена и красивая шелковая, как показалось Имоджен, серая блуза. На руках у миссис Макмастерс были безукоризненно чистые кожаные садовые перчатки, а когда она бросала бутоны в корзину, Имоджен заметила, что ее ноги обуты в аккуратные кожаные башмаки кремового цвета.

– Простите, миссис Макмастерс! – крикнула Имоджен напевным голосом. Она терпеть не могла миссис Макмастерс. Нет, это было не совсем верно: Имоджен не испытывала к ней ненависти, потому что ее мать Роуз всегда говорила, что «нельзя кого-либо ненавидеть». Но соседка ее ужасно раздражала. Миссис Макмастерс вечно на что-то жаловалась,

хотя на самом деле уж кому-кому, но не ей было жаловаться. Она жила в милом доме, у нее были довольно приятный муж, дорогая обувь и три красивых сына. А еще горничная, повар и садовник, и последний приходил два раза в неделю, чтобы подстричь газоны и сделать «тяжелую работу». Имоджен не знала точно, что подразумевалось под этой «тяжелой работой», но, очевидно, что-то полезное.

Имоджен подбросила в руке палку и стала втыкать ее в землю перед собой. Она подражала своему отцу, когда тот вышагивал с тростью или зонтом. По правде говоря, если в руках у отца оказывались предметы, похожие на трость, он всегда держался так, словно пытался маршировать под звуки военного оркестра.

Имоджен стала напевать слова марша, которому отец научил ее еще в раннем детстве, и старалась шагать так, чтобы на словах «левой» или «правой» соответствующая нога опускалась на землю.

*Хорошую работу бросил я! Левой!
Зато тебе-то как свезло! Правой!
Теперь она твоя, держись же за нее!
Левой, правой, левой, правой.
Хорошую работу бросил я! Левой...*

Теперь она маршировала на удивление ритмично, а палка опускалась на землю с военной четкостью.

Имоджен открыла ворота сада и вошла, проследовав ми-

мо аккуратных рядов однолетних кустарников и хорошо подстриженного газона. Поставив палку в угол отделанного плиткой крыльца, она вытащила из кармана своего бутылочно-зеленого жакета школьной формы ключ от входной двери. Открыла дверь и вошла в темную прихожую, вдыхая знакомый приятный запах мастики и воска, который смешивался с кисловатым запахом подгоревших овощей. А еще в доме чуть-чуть пахло собакой.

Хани – ее кернтерьер – вскочила ей навстречу.

– Привет, девочка, – сказала Имоджен, почесывая собачку за ее светлыми ушами.

Терьер прыгал у ее ног, радуясь тому, что Имоджен вернулась домой, и приглашая к игре.

– Не сейчас, Хани, – сказала Имоджен. – Я умираю с голоду.

Она свернула в маленькую столовую, которая примыкала к кухне. Имоджен слышала, как их горничная Хетти что-то фальшиво напевала около мойки. Имоджен открыла сухарницу, которую ее мать держала на шкафу для посуды, достала оттуда домашнее печенье и снова вернулась в прихожую.

– Мисс Имоджен, это вы? – крикнула Хетти с характерным ньюкаслским говором.

– Да, это я, – откликнулась Имоджен, уже поднявшись до середины лестницы.

– Не хотите ли чаю?

– Нет... нет, спасибо, – ответила Имоджен.

Она преодолела последние ступеньки, вошла в свою комнату и захлопнула дверь, которая закрылась с приятным щелчком. Собака тут же принялась царапать в дверь и жалобно скулить, прося впустить ее. Имоджен зажала печенье зубами и открыла дверь. Не успела снова ее захлопнуть, как Хани уже запрыгнула на кровать и стала царапать шелковое стеганое одеяло с узором «индийский огурец» своими черными коготками.

– Ох, Хани... – проговорила Имоджен, ложась рядом с собакой. Она отломала маленький кусочек печенья и дала его Хани; та слизала с пальцев даже последние крошки, словно надеясь подольше насладиться этим сладким вкусом.

– Ложись. Вот так, молодец, девочка, – похвалила собаку Имоджен, откусывая рассыпчатое маслянистое печенье и глядя в окно на большой бук, который возвышался в саду за домом.

Стук входной двери отвлек ее от размышлений.

– Джинни! – Имоджен услышала голос матери в прихожей и выбежала на лестницу.

– Да, мама, я здесь.

– Вот и хорошо. Спускайся сюда, милая, я хочу кое о чем поговорить.

Имоджен нашла Роуз в гостиной, находившейся в задней части их большого дома с крыльцом посередине. Эта комната всегда казалась ей очень женской – в обстановке осо-

бенно чувствовалось влияние матери. Именно здесь дважды в неделю Роуз играла в бридж, во время которого подавали маленькие сэндвичи и разрезанный на куски домашний фруктовый кекс. По такому случаю мать каждый раз пекла кекс сама, не доверяя эту задачу Хетти. «Девчонка не имеет ни малейшего представления о том, как нужно печь, – часто говорила мать с сожалением. – Я пыталась научить ее, но она просто безнадежна... Такое ощущение, что она неспособна запомнить даже самые простые вещи. Как бы я хотела, чтобы вернулась Эдит!»

Эдит долгое время работала горничной у Митчеллов. Она прожила вместе с семьей почти двадцать лет, однако недавно ей пришлось вернуться домой, чтобы ухаживать за умирающей матерью, и ее заменила Хетти. Имоджен хотела, чтобы мать Эдит поскорее умерла или пошла на поправку и Эдит вернулась к ним. Тогда ее мама стала бы счастливее, а их жизнь – такой, как прежде. Имоджен знала, что нехорошо желать кому-то смерти, но, как говаривала ее мать, «мы все должны когда-нибудь умереть».

Роуз стояла около камина. Несмотря на маленький рост, эта женщина умела привлечь к себе внимание. До брака она была учительницей и буквально излучала спокойную уверенность. Имоджен без особого труда могла представить ее перед классом.

– Иди сюда, дорогая, – сказала мама.

Ноги Имоджен утонули в шелковистом ворсе кремового китайского ковра, когда она направилась к матери. Оставив легкий поцелуй на ее щеке, Имоджен вдохнула запах ландышей.

– Хетти приготовила для тебя чай? Я оставила кекс остывать на противне, перед тем как уйти, и попросила полить его глазурью и обязательно отрезать тебе кусочек. Я знаю, что ты всегда возвращаешься домой голодная.

– Нет, – ответила Имоджен. – Я только отведала твоего вкусного печенья.

– Понятно, – улыбнулась Роуз. – А теперь сядь, Джинни, мне нужно кое-что с тобой обсудить.

Имоджен села на диван с очаровательным сиреневым покрывалом, которое украшал узор из больших белых глициний. У Имоджен появились нехорошие предчувствия по поводу этого «разговора». Утром в школе она позволила себе хулиганскую выходку: на глазах у всех притворилась, что потеряла сознание. Два учителя тут же бросились к ней на помощь и отнесли в медпункт. Имоджен хорошо запомнила лица двух своих лучших подруг, Джой и Норы: как они с трудом сдерживали смех, пока ее «бесчувственное» тело выносили из актового зала. Неужели директриса поняла, что она притворялась? Но даже если и так, когда она успела сообщить об этом матери? Страх постепенно распространялся по всему телу Имоджен; он пополз вверх по ногам и наконец добрался до желудка, где и обосновался, словно тяжелый и

неприятный комок непереваренной пищи.

– Почему у тебя такой встревоженный вид, милая? – поинтересовалась мать, садясь рядом на диван, и взяла Имоджен за руки. – Джинни, ты дрожишь? Да что с тобой такое?

Щеки Имоджен вспыхнули.

– Ничего, – пробормотала она в ответ.

– Наверное, ты опять напроказничала? – с наигранной серьезностью спросила Роуз. – Но не переживай, тебе за это ничего не будет. Сейчас... думаю, ты уже знаешь, что наши дела с мистером Гитлером обстоят не очень хорошо?

Имоджен выпрямилась и внимательно посмотрела в янтарные глаза матери.

– Да, мамочка. На этой неделе учительница рассказывала нам об этом.

– Да. Так вот... дело в том, что, похоже, может начаться война.

В ту же минуту глаза Имоджен наполнились слезами:

– И папа снова уйдет в армию?

– Нет, Имоджен, этого не случится. Он слишком старый и уже отслужил свое. Дело не в этом. Но если наши опасения подтвердятся... В школу уже поступила информация о том, что Ньюкасл может стать вероятной мишенью, со всеми его пристанями и судостроительными предприятиями.

Имоджен посмотрела на мать с непониманием:

– Мишенью?

– Да, милая... для бомб.

Имоджен крепко сжала холодную руку матери.

– Успокойся, Имоджен, я понимаю, это звучит ужасно, но не стоит так пугаться. Может, нас не будут бомбить. Тем не менее было принято решение, что дети вроде тебя, живущие в больших городах, должны быть эвакуированы.

Имоджен по-прежнему озадаченно смотрела на мать.

– Ты понимаешь?

Имоджен покачала головой.

– Твою школу переведут куда-нибудь в сельскую местность, где вы будете в безопасности. Директор сообщил мне сегодня утром, сейчас они занимаются организацией вашего отъезда. Судя по всему, вас эвакуируют в Озерный край. Джинни, ты только представь, там столько красивых озер, гор, а какой там свежий воздух! Это будет просто чудесно!

– И мне придется уехать от вас с папой и от моих друзей?

– Нет, твои друзья тоже уедут. Вас ждет настоящее приключение!

– А надолго?

– Ох... пока все не уляжется. Может быть, всего на несколько месяцев.

– Но я не хочу уезжать от вас с папой! – воскликнула Имоджен.

– Знаю, милая. Мы тоже не хотим, чтобы ты уезжала, но должны позаботиться о твоей безопасности. Сейчас это самое разумное решение.

– Но кто позаботится о вашей безопасности? – задала ло-

гичный вопрос Имоджен.

– О, с нами все будет хорошо. Мы уже пережили одну войну, и все было не так уж страшно. Но если в школу попадет бомба, занятия придется прервать, ты не сможешь сдать экзамены, и... в общем... возникнет такая неразбериха!

Имоджен почувствовала, как дрожит голос Роуз, увидела, что в ее глазах тоже стоят слезы.

– Как я все это перенесу? – спросила она, еще крепче сжимая руку матери. – Я же буду там без тебя, без папы!

– Но ты ведь уезжала одна на лето к бабушке в Абердин, – быстро ответила мать, к которой постепенно возвращалось самообладание. – Только на этот раз ты будешь не с бабушкой, а со своими друзьями. Это будет здорово, Имоджен, вот увидишь. А мы с папой станем навещать тебя. Мы сможем иногда ездить по Пеннинским горам, и я буду привозить тебе кекс... или даже два кекса.

Хани вбежала в гостиную и свернулась клубочком у ног Имоджен.

– А как же Хани? – спросила Имоджен, почесывая за ухом любимую собачку. – Я больше не увижу ее.

– Мы будем привозить ее с собой.

Слезы, которые стояли в светло-карих глазах Роуз, потекли по ее напудренным щекам. Имоджен понимала, что должна сохранять мужество ради матери, поэтому посадила собаку себе на колени и просто ответила:

– Конечно, привезете. Ты права, это наверняка будет здо-

рово.

Она наклонилась и поцеловала мать в мягкую щеку, и на ее губах остался соленый вкус слез Роуз.

Глава вторая

Ферма Ферзехоф на окраине небольшой деревни в нескольких километрах от немецкого города Аугсбурга, сентябрь 1939 года

Со школьным рюкзаком за плечами Магда Майер быстро шла по тропинке, ведущей к ферме, где она жила. Со всех сторон, куда хватало глаз, простирались фермерские поля. А сам фермерский двор с трех сторон окружали различные здания, среди которых был старый жилой дом из дерева и кирпича, со стенами, покрашенными в золотисто-коричневый цвет. К дому с двух сторон прилегали постройки из соснового бруса с черепичными крышами. В одной из них стояла сельскохозяйственная техника и хранились корма для животных и тюки с сеном. В другой находились коровник и доильный зал. Пока Магда бежала к дому через двор, мимо нее на дойку шли коровы, вымя которых было полно молока. Они стучали копытами по булыжникам и терлись друг о друга своими мягкими носами.

– Как хорошо, что ты вернулась! – попытался перекричать издаваемый стадом шум Петер, отец Магды. – Помоги мне подоить коров.

– Папа, я не могу! – оборачиваясь, крикнула она. – Я должна сделать домашнее задание.

– Сделаешь потом, – твердо сказал отец. – Сейчас нужно

подоить коров. Сними пальто и надень старые сапоги.

Вечером после дойки коровы вернулись в поля, а Магда грела свои ноги в чулках у старой печки. Ее тетради и учебники лежали рядом на столе из сосны – она к ним еще даже не притронулась. Взглянув на мать, Кете, Магда заметила на кухонном буфете конверт, адресованный ей и подписанный знакомым аккуратным почерком.

– Это же письмо от Карла! – радостно крикнула она матери, которая свеживала кролика в раковине. – Что же ты мне сразу не сказала?

– Ты должна делать домашнее задание, – строго ответила мать и сильным ударом разделочного ножа отрубила кролику голову. Магда вздрогнула. Пока мать сдирала кроличью кожу с гладкого розового мяса, ее руки покрылись кусочками меха и каплями крови. Отрубленная голова кролика лежала на кухонном столе, и его бледно-серые глаза бессмысленно уставились на Магду.

– Не могу читать письмо, пока это глядит на меня, – сказала она, схватив конверт и прижав его к груди.

– Посмотрим, станешь ли ты привередничать, когда я приготовлю из этого кролика вкусное рагу, – рассмеялась Кете.

Поднявшись по лестнице, Магда подошла к комнате Карла. Она была на девять лет младше и всегда восхищалась старшим братом, почти боготворила его. Магда, как обыч-

но, остановилась в дверях и посмотрела на аккуратно убранную комнату. Кровать, на которой не спали уже два года, по-прежнему была застелена лоскутным одеялом – мать сшила его, когда брат был еще ребенком. Университетские дипломы и сертификаты, которые мама вставила в рамки, по-прежнему висели на своем почетном месте над его столом. Отец надеялся передать ферму единственному сыну, однако Карл не питал никакого интереса к сельскому хозяйству, предпочитая уединяться в своей комнате с книгами. Поначалу это сильно разочаровывало Петера, но, после того как учителя Карла объяснили им с женой, какой у них умный и одаренный сын, на смену отчаянию пришла гордость. Магда до сих пор помнила праздничный обед, который устроили родители, когда в 1934 году Карл поступил в Гейдельбергский университет.

– За моего сына! Пусть он успешно окончит университет! – воскликнул Петер, поднимая бокал со шнапсом. – В нашей семье еще никто не учился в университете.

– Зато теперь все изменилось, – мягко сказал Карл. – Надеюсь, ты простишь меня за то, что я не хочу заниматься фермой?

Его голос звучал неуверенно. Магда видела, что брат волнуется и не хочет огорчить отца.

– Что ж, я давно понял, что земледелие – не твоя страсть, мой мальчик, – с философским видом заявил Петер. – Если честно, я даже рад, что ты уезжаешь учиться.

– Почему это? – поинтересовался Карл.

– Будешь держаться подальше от этих деревенских хулиганов из гитлерюгенда. – Последние слова отец произнес с особым отвращением.

– Ну что ты, Петер, – раздраженно перебила его Кете. – У нас в деревне нормальные ребята.

– Нет, Кете, это не так, – возразил тот. – Сперва у нас были скауты, но постепенно их вытеснил гитлерюгенд. Я поначалу надеялся, что все будет хорошо: ребята все так же ходили на экскурсии и в походы, и Карлу, кажется, это нравилось, – Петер посмотрел на сына, и тот кивнул, – но потом все изменилось...

– Только не надо при Магде, – прошептала Кете и кивнула в сторону дочери, которая не сводила с них глаз, надеясь, что никто не заметит, как внимательно она слушает этот разговор.

– Она еще совсем маленькая, – отмахнулся Петер, – наши разговоры ее не интересуют. Так вот, – с оживлением в голосе вернулся он к своей теме, – теперь гитлерюгенд превращается в военную организацию. Карл рассказывал мне о том, как их заставляют придерживаться определенных идеалов. Это неправильно.

– Он прав, матушка, – сказал Карл. – Национал-социалисты хотят воспитать поколение молодых людей, прошедших идеологическую обработку. Они обрушивают на юные умы пропаганду о расовой чистоте, о непременном превосход-

стве нашей расы над всеми другими, особенно над евреями.

– Они целыми днями бродят по окрестным деревням, – перебил его Петер, – заявляя, что герр Гитлер решил многие проблемы Германии. И помяни мои слова: никакие проблемы государства, экономические или любые другие, эти молодые люди, марширующие по улицам и запугивающие окружающих, решить не смогут.

Карл улыбнулся:

– Ты очень мудрый, папа. Очень.

Три года спустя, в 1937 году, когда Карл получил диплом, его пригласили в Оксфордский университет в Англии.

– Пожалуйста, не уезжай! – умоляла его Магда, когда он рассказал родным об этой новости. – Почему бы тебе не продолжить образование в Мюнхене... или не остаться в Гейдельберге? – с жаром в голосе предлагала она. – Тогда ты смог бы приезжать домой на выходные.

– Потому что я не могу больше оставаться в Германии, – ответил Карл.

Родители посмотрели на него с недоумением.

– В здешних университетах... – продолжал Карл, – больше нет места свободе преподавания. Каждый преподаватель, каждый лектор должен следовать линии партии. Неужели вы этого не понимаете?

Родители по-прежнему смотрели на него с озадаченным видом.

– Я надеюсь, что в университетах Великобритании дела обстоят иначе. Мне очень повезло, что я получил стипендию, неужели вы этого не понимаете? Я стремился к этому еще с тех пор, как был подростком. И совсем скоро окажусь в этом славном «городе дремлющих шпилей».

Карл обвел взволнованным взглядом свою маленькую семью, члены которой сидели на кухне около очага, в надежде найти у них понимание.

– Я буду так скучать по тебе, – огорченно проговорила Магда.

– Знаю, маленькая обезьянка, – тихо сказал Карл, протягивая к ней руки. – Но мы можем писать друг другу.

Немного смягчившись, Магда подбежала и обняла брата. Он стал теребить пальцами ее светлые косички.

– Ой, – возмутилась девочка, отталкивая его. – Мне больно!

* * *

Теперь Магде было тринадцать. Прошло несколько месяцев с тех пор, как Карл написал ей в последний раз, и она с нетерпением ждала новостей от него. Возможно, она надеялась, что он сообщит о своем скором приезде домой.

Моя дорогая Магда!

Как поживаешь, маленькая обезьянка? Надеюсь, ты хорошо учишься в школе. Я скучаю по тебе, но

хорошо провожу время здесь, в Англии. Я стал петь в хоре колледжа, говорят, у меня отличный тенор. Ты можешь себе это представить?

Магда очень даже могла. У Карла всегда был красивый голос. Мальчиком он часто солировал в лютеранской церкви. Она продолжила читать.

А теперь мне нужно тебе кое-что объяснить. Это сложно, и я знаю, что тебе не говорили правды, но ты должна кое-что понять. Многие годы тебе внушали ложь. Мне повезло: я окончил школу в то время, когда эта ложь только начала распространяться. В школе тебя учат, что «наш» народ – арийская раса – стоит выше всех остальных; тебя учат, что евреи – наши враги, а все, кто не согласен с принципами национал-социалистов, опасны и не могут считаться настоящими патриотами. Некоторым немцам не нравятся Гитлер и его партия, но они боятся высказывать свою точку зрения. В последнем письме ты упоминала, что должна надевать в школу форму Союза немецких девушек; что каждое утро ты обязана отдавать салют фюреру и петь националистические песни, которые, как ты писала, тебе очень не нравятся. И ты совершенно в этом права. Эта фанатичная приверженность Гитлеру – неправильная, а промывка мозгов молодежи – настоящий позор. Находясь за пределами своей страны, я стал гораздо отчетливее понимать, что происходит у нас на родине. Герр Гитлер – разжигатель войн, его оккупация

Рейнской области – это только начало. Он стремится к полному подчинению Европы. Магда, скоро начнется война, в которой поначалу Гитлер обвинит Францию и Англию. Не верь этому. Гитлер и его национал-социалистическое правительство – зло. Ты ведь знаешь, что они сделали с нашими друзьями-евреями? Ты знаешь, что произошло в ноябре прошлого года во время «Хрустальной ночи»? Они подстрекали людей громить еврейские магазины и сжигать синагоги. В ту ночь многие евреи были хладнокровно убиты, тысячи их отправили в концентрационные лагеря. С того времени ни в чем не повинных людей стали собирать и высылать из их родных городов и деревень. Их вынуждали менять место жительства или, хуже того, отправляли в заточение. В Мюнхене им приходится жить в «еврейском лагере». Ты можешь себе это представить? Некоторым удалось заплатить огромный выкуп и уехать из страны в Америку или Британию. Но намного больше людей остаются запертыми в ловушке в Германии, так как не могут откупиться или убежать. Магда, их лишили гражданских прав... отняли средства к существованию, уничтожили их жизни. Их кровь на наших руках. Это большое зло, Магда, и его необходимо остановить. Гитлер намерен захватить близлежащие страны к востоку от нас. Он говорит вам, что все эти люди мечтают стать частью Германии. Возможно, кто-то из жителей этих стран действительно разделяет его точку зрения, но нельзя

вторгаться в другую страну и захватывать ее. Полагаю, что, оставаясь в нашей деревенской глуши, ты пребываешь в счастливом неведении насчет всего этого. Но, поверь мне, Магда, именно так и обстоят дела.

Я принял решение остаться здесь, в Оксфорде, и делать все, что в моих силах, чтобы помочь Сопротивлению в Германии. Если бы я вернулся, меня бы призвали на военную службу, но я не смог бы сражаться за то, с чем не согласен.

Я напишу письмо родителям и все им объясню, но хочу, чтобы ты услышала это от меня. Никому не говори о мотивах, которыми я руководствуюсь. Я не хочу, чтобы ты оказалась втянутой во все это. Люди будут рассказывать тебе ужасные вещи обо мне – не придавай этому значения. Откажись от меня, если тебя заставят. Ты девочка, тебя не отправят на войну, как и папу, который, слава богу, уже слишком для этого стар. Я молюсь, чтобы вас оставили в покое. Если я найду способ вывезти вас из Германии, можешь не сомневаться, я сделаю это.

Заботься о маме и папе. Я люблю тебя, моя маленькая сестренка, и скоро мы снова будем все вместе, как только это безумие закончится.

Твой любящий брат Карл

Р. С. Пожалуйста, уничтожь это письмо. Если письмо найдут, то его смогут использовать как улику против тебя и нашей семьи.

Магда легла на кровать, растерянная и расстроенная письмом брата. Она обожала Карла, идеализировала его, но все же то, что он говорил, не могло быть правдой. Она вспомнила о разговорах, которые Карл вел с отцом незадолго до отъезда. Как молодым людям промывают мозги. Ей это было понятно. Но то, что подобные идеи могут привести к реальной жестокости, к высылке людей из их деревни, – ей это казалось чем-то невообразимым.

Она свернула письмо и положила его обратно в конверт. «Уничтожь его», – написал Карл. Почему он попросил ее об этом? Она перечитала последнюю строчку: «Его могут использовать как улику». Что это могло значить? Кто сможет использовать его? Откуда кто-то узнает, что письмо у нее? Все это казалось бессмысленным. Кроме того, даже если она соберется его уничтожить, как она это сделает? Она может сжечь его в печи на кухне, когда мамы не будет рядом. Но мама всегда все замечает. Или она порвет его на маленькие клочки. Но одна мысль о том, чтобы уничтожить письмо от любимого брата, казалась невыносимой.

Магда уже два года не видела Карла и хранила все его письма, аккуратно перевязывала их лентой и складывала в комод. Может, просто положить его среди остальных писем? Она еще раз прочитала инструкцию от брата. Если она не готова уничтожить письмо, значит, нужно его спрятать. Магда заглянула под кровать – здесь мама точно найдет его, когда будет менять постельное белье. Гардероб она тоже исключи-

ла сразу, так как мать всегда приводила в порядок и раскладывала ее одежду.

Магда в отчаянии стала искать подходящее безопасное место, пока ее взгляд не упал на деревянный книжный шкаф и на Библию, которую ей подарили после миропомзания. Взяв ее в руки, Магда провела пальцами по гладкой кожаной обложке и золотому обрезау. Открыв книгу, она заметила на внутренней стороне задней обложки маленький бумажный конверт, куда должна была складывать листки со своими любимыми молитвами. В нем было пусто, и она положила туда письмо, разгладив конверт так, чтобы не было видно даже малейших очертаний бумаги внутри. Затем поставила Библию на нижнюю полку рядом со сборником сказок. Теперь письмо было спрятано, причем, как говорится, на самом видном месте.

Справившись с этой задачей, Магда почувствовала, что должна пойти прогуляться и подумать – постараться осмыслить все, что написал ей брат. Она была смущена и растеряна. Проходя мимо комнаты Карла, она снова заглянула внутрь, увидела яркое разноцветное покрывало, дипломы на стенах, фотографию, на которой брат с гордостью держал в руках свой первый аттестат о высшем образовании и его темные глаза светились надеждой, а затем закрыла дверь. Мальчик, живший в этой комнате, не был тем молодым мужчиной, который написал то письмо, полное непостижимой лжи. Пока Магда спускалась по скрипучей лестнице, она пыталась

убедить себя, что это была ложь и никак иначе.

На кухне мать жарила порезанного на куски кролика, и в воздухе приятно пахло предстоящим обедом. На кухонном столе лежали материалы для школьного доклада на тему «Важность праведной жизни», к которым она пока даже не притронулась. Когда Магда вышла во двор, она услышала голос матери:

– Магда! Куда ты идешь?

Отец отмывал молочную ферму после вечерней дойки. Она прошла мимо него и направилась по тропинке к дороге, которая вела в деревню. Навстречу медленно ехала запряженная одной лошадью повозка, в которой сидели мужчина и юная девушка. Когда они подъехали поближе, Магда узнала Эрику и ее отца Герхарда, живших на соседней ферме. Магда и Эрика состояли в группе «Юные девы», являвшейся частью Союза немецких девушек. Это был женский аналог гитлерюгенда, где девушек учили, как важно стать хорошими матерями и домохозяйками. Магде это не очень нравилось, но еще ужаснее были уроки «расовой чистоты», которую национал-социалисты считали такой важной. На этих уроках их учили, что представители «нордической расы» с ростом выше среднего, прямыми длинными носами и «долихоцефалической» формой головы считаются наиболее расово чистыми. Эрика, которая недавно стала лидером их группы, очень обрадовалась, когда на последней встрече ей замерили голову и объявили ее истинной представительницей «арий-

ской расы». Все в группе, включая Магду, радостно приветствовали это известие. С тех пор Эрика стала вести себя слишком высокомерно и заносчиво.

Сейчас, сидя в повозке, она радостно помахала Магде рукой, и та с неохотой помахала в ответ. Ей не нравилась Эрика, но и смысла враждовать с ней Магда не видела. Облегченно вздохнув после того, как Эрика и ее отец не остановились, чтобы пообщаться, Магда пошла по тропинке дальше, пересекла дорогу и побежала к лесу, находившемуся в стороне от дороги. Осеннее солнце проникало сквозь кроны высоких сосен, которые отбрасывали длинные тени, а Магда бежала по склону холма к реке, протекавшей внизу в долине. Спустившись со склона, она вдохнула пряный аромат соснового леса, но все ее мысли были заняты словами брата: «Гитлер – зло». Зло... Что он имел в виду? Как лидер страны может быть злым человеком? Учитель в школе внушал им, что Гитлер всех вдохновляет, что он спас их страну, снова дал им работу, вернул чувство гордости. Что же касалось вторжения в соседние страны, то разве он не забирал лишь то, что принадлежало им по праву?

У подножия холма, там, где рельеф становился ровным, раскинулась рощица из лиственных деревьев: дубов и ясеней. Осень уже окрасила их в золотые цвета, а опавшие листья шуршали под ногами. В центре рощи находилась небольшая поляна, где они с Карлом в детстве устраивали лагерь. Карл всегда был заводилой в их играх: он с энтузи-

азмом устанавливал палатку и разводил костер, на котором они могли приготовить себе ужин. Магда помогала брату варить похлебку или печь картошку на углях, а он всегда руководил и поддерживал ее. После ужина они обычно лежали, смотрели на звезды, и Карл рассказывал ей разные истории. Позже, когда приходило время ложиться спать, он укладывал ее в их маленькую палатку, и они лежали рядом, слушая шорохи, которые издавали лесные животные снаружи. Пока Карл был рядом, Магда чувствовала, что с ней не случится ничего плохого.

Иногда брат предлагал ей позвать с собой кого-нибудь из друзей, и чаще всего она приглашала Лотту Кальман, дочь врача. У Лотты были каштановые волосы и ярко-голубые глаза цвета незабудок. Девочки отмечали день рождения в один день, и у них было много общих интересов, в том числе и любовь к походам.

Магда вспомнила об их с Лоттой путешествии, когда им обоим было по девять лет. Это случилось незадолго до того, как Карл уехал в Гейдельбергский университет. Он принес из дома гитару, и, приготовив ужин, они сидели под звездами и пели песни – но не националистические, которые навязывали им в гитлерюгенде, а норвежские и русские народные. Девочки хорошо провели время в те выходные. Несколько месяцев спустя, когда Магде исполнилось десять, ей сообщили, что теперь она достаточно большая, чтобы вступить в организацию «Юные девы». Предвкушая следующий поход

в лес, она поспешила к Лотте и обнаружила ее плачущую в углу игровой площадки.

– Лотта, что случилось? – воскликнула Магда, обнимая подругу.

– А меня не примут, – всхлипывая, сказала та.

– О чем ты? Куда не примут?

– В «Юные девы»...

– Почему? – простодушно спросила Магда.

– Потому что я... я еврейка.

В первый вечер, когда произошла встреча их группы, Магда спросила их молодого лидера, фрейлейн Мюллер, почему ее подругу Лотту, у которой глаза были такими же голубыми, как у Гитлера, не приняли в их ряды. Магда до сих пор помнила, какое у фрейлейн было выражение лица, когда она услышала ее вопрос: это было одновременно и потрясение, и даже отвращение. «Потому что евреи находятся в самом низу расовой шкалы не арийцев», – в гневе ответила фрейлейн Мюллер. Тем же вечером она поговорила с Кете, когда та пришла забирать Магду. Ожидая возвращения домой и мучаясь чувством вины, Магда наблюдала за тем, как их молодой лидер с перекошенным от гнева лицом отчитывала ее мать. Та же, напротив, выглядела расстроенной и даже немного испуганной. После этого случая Кете больше не приглашала Лотту к ним домой и часто придумывала разные предлоги, чтобы не пускать Магду в дом Лотты.

А потом однажды Кальманы просто исчезли. Ходили слу-

хи, что они переехали в Мюнхен, и Магда думала, что они уехали потому, что, возможно, там жили их родственники. Однако она помнила, как женщины перешептывались в деревенском магазине о том, что местный доктор не должен быть евреем. «Это такой позор», – сказала одна женщина. Магде эти слова показались странными, ведь доктор Кальман всегда был добр к ней и как-то всю ночь провел у ее постели, когда она болела корью.

«Их собирают», – писал Карл в своем письме. Что он имел в виду? Неужели Лотту и доктора Кальмана тоже собрали и погнали куда-то, как скот? Неужели именно это и произошло с ними? Магде не хотелось думать о том, что Кальманы страдают. Может, они просто уехали за границу? Она надеялась, что так и было. Бедная Лотта...

Прошлой ночью шел сильный дождь, и теперь река была полноводная, бурлящая и журчащая в своем каменистом русле, так что каждый камень был покрыт пеной. Магда сидела на берегу реки, вспоминая дни, когда они с Карлом приходили сюда и бросали в речку камни, наблюдая за тем, как по воде расходятся круги. Еще они тут рыбачили и приносили матери речную форель, которую та жарила в масле на ужин. Хотя Карл был гораздо старше ее, Магда считала его своим лучшим другом, единственным человеком, кроме отца и матери, которым она восхищалась и которому полностью доверяла. Но после его переезда в Англию с ним, по-

хоже, что-то случилось. Возможно, его заточили в тюрьму и заставили написать ей столь ужасные вещи? Может, именно поэтому он написал ей всю эту ложь? Учитель в школе объяснял, что благодаря Гитлеру Германия стала самой экономически развитой страной в Европе. Он говорил, что другие страны завидуют такому успеху. Может быть, англичане так сильно им завидовали, что бросили ее брата в тюрьму и заставили писать все это против его воли? При мысли о том, что Карл сейчас сидит в темной и сырой тюремной камере, у нее на глаза навернулись слезы, и она быстро побежала вверх по холму, через сосновый лес, обратно на ферму.

На кухне Кете сервировала ужин.

– А, Магда... хорошо, что ты вернулась. Куда ты так быстро убежала?

– Решила прогуляться, – сказала Магда, моя руки в кухонной раковине.

Мать убрала со стола ее учебник, тетрадь, ручку и положила их на буфет.

– Ты даже не начала делать уроки, – вздохнула Кете, накладывая Магде в тарелку кроличье рагу и картофельные кнедлики.

– Сделаю позже.

– Как там Карл? Я могу прочитать его письмо?

– Нет! – резко ответила Магда, вспомнив наказ Карла никому ничего не рассказывать.

– Почему это? – поинтересовалась мать.

– Он сказал, что сам вам напишет. А это письмо только для меня.

– Понятно, – сказала Кете. Глаза выдали, что она расстроилась. – Но ты хотя бы расскажи нам, какие у него новости, – с надеждой в голосе предложила она.

Магда ковыряла вилкой кролика, не в силах съесть ни кусочка. При воспоминании о кроличьей голове, из которой на кухонный стол вытекала кровь, ее замутило. «Их кровь на наших руках...» Она вскочила, опрокинув стул, и выбежала из-за стола во двор, где ее стошнило.

Позже, когда Магда лежала на кровати, а мать своей холодной рукой гладила ее лоб, она снова вспомнила письмо Карла.

– Мама, – сказала она, – а почему Лотта и доктор Кальман уехали из деревни?

– Какой странный вопрос, – удивилась Кете. – Почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

– Просто интересно. Они так внезапно уехали. Мне нравилась Лотта.

– Да... но, видишь ли... они решили жить среди своего народа. Так будет лучше.

– Значит, они сейчас со своими родными и друзьями? – с надеждой в голосе спросила Магда.

– Да... А теперь перестань переживать из-за всяких глупо-

стей и скажи мне: тебя так расстроило что-то в письме Карла?

Глаза Магды наполнились слезами, но она быстро заморгала, чтобы смахнуть их, и отвернулась к стене. Мать погладила ее по волосам.

– Ладно, может, завтра ты мне все расскажешь. А теперь постарайся уснуть.

Кете погасила масляную лампу и закрыла с щелчком сосновую дверь.

Глава третья

Кесуик, Озёрный край, сентябрь 1939 года

Путешествие на поезде из Ньюкасла в маленький городок Кесуик, находившийся неподалеку от озера, должно было занять почти весь день. Имоджен стояла под сводчатым потолком вокзала в Ньюкасле и прощалась со своими родителями. Рядом с ней была ее лучшая подруга Джой Карр. Девочки познакомились в свой первый день пребывания в ньюкаслской средней школе для девочек, когда им обоим было по одиннадцать лет. Первые же слова Джой, обращенные к Имоджен, навсегда определили их дальнейшие отношения:

– Ты любишь проказничать?

– Да, – неуверенно ответила Имоджен. – По крайней мере, мне так кажется.

– Отлично, – с обескураживающей прямоотой сказала Джой. – Мы с тобой будем лучшими подружками.

Теперь, когда они стояли на продуваемой всеми ветрами платформе, Джой, дрожа от нетерпения, радостно прощалась со своими родителями. Имоджен же, напротив, была так подавлена своими переживаниями, что у нее сводило желудок.

– Ты ведь будешь писать нам? – настойчиво спрашивала ее мать Роуз, защищая свою стильную рыжевато-коричневую фетровую шляпку от ворвавшегося на станцию ветра.

– Конечно, мамочка.

Имоджен видела, что мама старается сохранять мужество, и решила следовать ее примеру. Но она чувствовала, как слезы выступают на глазах, а горло сводит от боли после того, как она проглотила стоявший там комок вместе со своей грустью.

– И не шали там особо, – добавил отец.

– Ну что ты, папочка...

– На это лучше не надеяться, – сказала мать. Она улыбалась, но в ее глазах стояли слезы. – Иди сюда, дорогая.

Она так крепко прижала к себе Имоджен, что той стало трудно дышать.

– Я люблю тебя, – прошептала Имоджен в шею матери.

– Я тоже тебя люблю, – ответила Роуз.

Вокруг них другие дети прощались со своими родителями. Среди плача и последних наставлений раздался свисток дежурного по станции. Паровоз выпустил клубы дыма из трубы.

– Скорее, – сказала Роуз. – Садись в поезд... Ты же не хочешь, чтобы он уехал без тебя?

В купе отец Имоджен положил ее с Джой багаж на верхнюю полку.

– Не разговаривайте с незнакомцами, – напутствовал он девочек и поцеловал их обеих на прощание в макушки.

Потом он ушел, захлопнув за собой дверь. На платформе Роуз размахивала руками и пыталась что-то сказать, но

Имоджен не слышала ее. Наконец она опустила окно и в этот самый момент услышала крик матери: «Открой окно!». Девочки мужественно махали своим родителям, пока поезд уходил от темного, переполненного людьми перрона, выезжая на солнечный свет и пересекая сверкающую реку Тайн.

Поезд был специально подготовлен для того, чтобы перевезти детей из разных школ, причем некоторые из них были совсем маленькими, четырех-пяти лет. Имоджен и Джой ехали в одном купе еще с тремя ребятами, которые, судя по их поразительному сходству друг с другом, были из одной семьи. Маленькая троица состояла из двух мальчиков, одетых в одинаковые шапочки и длинные носки, которые собрались гармошкой вокруг их лодыжек, и девочки со светлыми кудряшками, выбивавшимися из-под синего берета. Все трое детей сидели, прижавшись друг к дружке. К их шерстяным пальто были приколоты бирки, а вещи – сложены в хлопковые мешки кремового цвета. Выглядели малыши ужасно одинокими и потерянными: лица были все в слезах, из носов текло.

Имоджен достала из кармана носовой платок и протянула старшему мальчику, который безучастно уставился на него. Тогда она платком вытерла лицо каждому из них.

– Вот так, – сказала Имоджен с ободряющей улыбкой. – Мы с Джой присмотрим за вами... ведь правда?

Она толкнула локтем подругу, которая уже открыла свою

маленькую корзину для пикников и изучала ее содержимое.

– Конечно, – весело ответила Джой, в глубине души сожалея о том, что Имоджен предложила ребятам свои услуги. Она хотела насладиться этим приключением, а не играть роль няньки для кучи маленьких детишек.

Как только они выехали за город, паровоз с довольным пыхтением продолжил свой путь, а малыши уснули. Имоджен и Джой на время были освобождены от необходимости присматривать за ними и могли заняться своими делами. Они делились друг с другом приготовленными для них завтраками и строили планы о том, как будут проводить время вдали от дома.

– Все будет замечательно, – сказала Джой, уплетая сэндвич с паштетом. – Мама не будет рядом, и никто не заставит меня ложиться рано спать. В школе с нас особо спрашивать не будут, возможно, даже на дом не станут ничего задавать. Это все равно что каникулы! Ого, а ты везучая: тебе дали с собой кекс!

Имоджен разломил кусок кекса и протянула половинку Джой.

– Спасибо, – поблагодарила ее Джой, жуя кекс. – У твоей мамы обалденно вкусная выпечка.

Самый маленький из детей – мальчик с блестящими темно-кариими глазами – проснулся и с тоской уставился на кусок кекса в руке Имоджен. Она снова разломил его и уго-

стила малыша.

– Тебе дали с собой ланч? – спросила она его.

Мальчик грустно покачал головой. Имоджен толкнула локтем Джой.

– Дай ему один из твоих сэндвичей, – велела она.

– С чего это? – возмутилась Джой.

– Не будь врединой, – сказала Имоджен; расстелила салфетку, которую дала ей с собой мать, и положила перед каждым из детишек сэндвич и маленький кусок кекса.

Пока малыши ели, паровоз, гремя колесами, проехал мимо бурых Пеннинских гор, а затем остановился на вокзале в городе Карлайле. Там они все пересели на местный поезд, который назывался «Веселый Карлайл». Теперь дети отправились на юг.

Поезд долго ехал через вересковые пустоши, затем стал спускаться с холма, миновал маленькую станцию в Траутбеке и проследовал мимо гранитных каменоломен, выпуская в воздух клубы пара. Когда по обе стороны от железной дороги возникли холмы Озёрного края, поезд пересек бурную реку и под конец дня прибыл на вокзал Кесуика.

Выходя из поезда, Имоджен пришла в восхищение, увидев викторианские здания вокзала и серые горы вдалеке, чьи вершины уже были покрыты сверкающим снегом. Они с Джой помогли малышам выбраться из поезда и вместе с сотнями остальных детей направились к билетной кассе, где за столиком стояла высокая женщина в темно-синем костюме

и серой фетровой шляпе.

– Эвакуируемые, пожалуйста, встаньте в очередь.

Маленький мальчик с блестящими карими глазами в недоумении посмотрел на Имоджен.

– Это и тебя касается, – сказала она мягко. – Становись в очередь, и когда спросят твое имя, ты должен его назвать.

После того как всех детей отметили в каком-то списке, их посадили в автобус и повезли в город. Воздух был влажным, и когда на окрестности опустился туман, малыши, уставшие от поездки и напуганные незнакомой обстановкой вокруг, начали плакать. Имоджен посмотрела сквозь забрызганное дождевыми каплями окно автобуса на темные каменные дома Кесуика и крепко сжала руку Джой, все еще липкую от кекса.

– С нами все будет хорошо, ведь правда? – прошептала она.

Детей привезли в церковь, в которой в алфавитном порядке распределили по семьям, где они будут жить. К ужасу Джой Карр и Имоджен Митчелл, им предстояло поселиться в разных концах города.

– Поверить не могу! – возмутилась Джой. – Нас не поселят вместе!

– Знаю, – сказала Имоджен, с трудом сдерживая слезы. – Я надеялась, что мы хотя бы будем жить в одном доме и сможем помогать друг другу. А теперь мне придется жить с Хелен!

– Бедняжка! – посочувствовала ей Джой. – Она ужасная плакса и прямо вся такая пай-девочка.

– Точно, – согласилась Имоджен. – А ты где будешь жить?

– В семье... Их фамилия Меткалф, – мрачно ответила Джой. – Вон там миссис Меткалф, и она плачет. Надеюсь, что не из-за меня. Я ведь не такая плохая, правда?

– Нет, конечно, – приободрила ее Имоджен.

– Но это еще не все. Я буду жить с этой дрянной и отвратительной Миллисентой Кларк. Терпеть ее не могу!

– Ох, Джой, – вздохнула Имоджен. Она оглядела церковный зал в надежде увидеть малышей, с которыми ехала в поезде. Рыжеволосая добродушного вида женщина сидела рядом с ними на корточках. Она разговаривала со старшим из мальчиков и держала за руку девочку, которая с сонным видом сосала большой палец и прижималась к ее плечу. «По крайней мере, с ними все будет хорошо», – подумала Имоджен.

– Может, все не так уж и плохо, – сказала она Джой, пытаясь снова приободрить ее. – Я уверена, что у Миллисенты тоже есть свои достоинства, да и Хелен хоть и плакса, но не такая уж плохая девочка.

Имоджен и ее соседку Хелен представили хозяйке дома, миссис Латимер. Это была седовласая женщина с мягкой кожей персикового цвета, красивым маникюром и добрыми серыми глазами. Она ласково улыбнулась двум своим новым подопечным.

– Итак, девочки, – сказала она, – я уверена, что мы с вами отлично поладим. Вы хотите поехать со мной?

Имоджен беспомощно махнула на прощание Джой, которая с мрачным видом стояла рядом с Миллисентой и плачущей миссис Меткалф, и забралась в старенький «Остин-7» миссис Латимер.

Дом Латимеров стоял на возвышении, из него открывался вид на весь город. У этого построенного на рубеже веков, облицованного штукатуркой с каменной крошкой и выкрашенного в белый цвет дома были деревянные оконные рамы, дверь серо-голубого цвета и темно-серая шиферная крыша. Перед домом располагался ухоженный садик с аккуратно подстриженными кустами и живой изгородью. Все это напомнило Имоджен дом ее бабушки в Абердиншире.

Комната, в которой им с Хелен предстояло жить, находилась в глубине дома. Две отдельные кровати стояли по обе стороны от окна, под которым располагался маленький письменный стол со стулом.

– Это была комната моих сыновей, – сказала миссис Латимер, показывая девочкам их новое жилище. – Они оба уехали. Служат сейчас в армии. И я подумала, что будет неплохо, если кто-нибудь составит мне компанию.

Имоджен обратила внимание на темно-синие занавески и такого же цвета покрывала на кроватях и подумала, что сказанное миссис Латимер объясняло такое «мужское» убран-

ство комнаты.

— Как только разберете свои вещи, спускайтесь вниз, — сказала миссис Латимер, — и я вам здесь все покажу.

Следующие полчаса девочки распаковывали чемоданы и наводили в комнате порядок по своему вкусу. Латимеры предусмотрительно принесли в их комнату зеркало от туалетного столика в раме из красного дерева и поставили его на письменный стол. Но, после того как миссис Латимер ушла и оставила их одних, Иможен и Хелен решили, что будут делать за столом домашние задания и писать письма родным, а зеркало перенесли на комод около двери. Теперь оно стояло рядом с фотографией в серебряной рамке, на которой были запечатлены два сына хозяйки дома: высокие светловолосые мальчики в походных ботинках и вельветовых бриджах. Они стояли на вершине одной из местных гор и улыбались солнцу.

Иможен братья показались довольно симпатичными, и она расстроилась из-за того, что они больше не живут дома. Из комода убрали все постороннее — сменное постельное белье и тому подобное — и подготовили его к приезду девочек, чтобы они могли положить туда свои школьные платья, ночные рубашки, белье и домашнюю одежду. Каждая привезла с собой всего по одному чемодану, поэтому комод остался полупустым. Но миссис Латимер также освободила место в небольшом шкафу, стоявшем в углу спальни. Сдвинув в сторону лучшее воскресное пальто мистера Латимера и старую

шубу миссис Латимер, девочки повесили туда свои пальто, положили шляпки и ботинки. Школьные ранцы Имоджен и Хелен повесили на столбики кроватей и, довольные тем, как они обустроили комнату, пошли искать миссис Латимер.

Женщина стояла в саду позади дома в тусклом вечернем свете. Она повела Имоджен и Хелен по мощенной булыжником тропинке вдоль цветочных клумб в противоположную сторону сада.

– Позже мы нарвем немного яблок, – сказала миссис Латимер, указывая на яблони, которые росли на окраине сада рядом с тем местом, где начинались общественные земли. – В этом году будет хороший урожай.

За яблоневым садом и общественными землями виднелись холмы и горы, которые служили прекрасной декорацией ко всему городу. Зеленые у подножия, они величественно поднимались к небу, становясь постепенно сиреневыми, а затем, ближе к вершине, серыми.

– Слева – Скиддоу, – объяснила миссис Латимер, – а прямо напротив – Бленкатра.

Имоджен много лет подряд проводила летние каникулы у бабушки на севере Шотландии и привыкла к видам гор и озер, однако горы, находившиеся позади дома Латимеров, действительно были необыкновенными.

– Совсем скоро они покроются снегом, – мечтательно сказала миссис Латимер. – Это очень красивое зрелище. Нам

так повезло, что мы здесь живем.

Она обернулась к Имоджен и Хелен и улыбнулась:

– Пойдемте, девочки, я приготовлю вам чай.

С приятными мыслями о еде Имоджен и Хелен побежали по тропинке обратно в дом. Миссис Латимер направилась в кухню, а Имоджен поймала Хелен за руку у двери:

– А она милая, не так ли?

– Очень милая, – согласилась Хелен.

– Я думаю, – сказала Имоджен, – что по сравнению с бедняжкой Джой нам повезло...

– Да, – поддержала ее Хелен. – Наверное, ты права.

Пару дней спустя после посещения церкви и прекрасного ланча Имоджен написала первое полноценное письмо домой.

3 сентября 1939 года

Кесуик,

Озёрный край

Дорогие мамочка и папочка!

Думаю, я уже нормально обустроилась в доме Латимеров. Я уже говорила вам, что живу здесь с Хелен, и она довольно милая, хотя, мне кажется, это очень не нравится бедняжке Джой.

Она живет у миссис Меткалф, чьи сыновья только что уехали на войну. И миссис Меткалф целыми днями плачет! Так что находиться с ней в одном доме совсем не весело. К тому же Джой живет с одной ужасной

девчонкой по имени Миллисента, и мне ее так жалко.

Мистер и миссис Латимер очень милые (миссис Л. тоже напишет вам письмо). Они работали директорами школы, а теперь на пенсии. Их дом весь белый, там есть столовая, гостиная, кухня и два чудесных сада – перед домом и позади него. На втором этаже – ванная комната, туалет и три спальни: одна свободная, наша и мистера и миссис Латимер.

В интерьере дома преобладает пресвитерианский синий цвет, хотя сами Латимеры являются последователями англиканской церкви. И мы с Джой ходили сегодня в церковь Святого Иоанна вместе с нашими одноклассниками.

Вашу машину еще не конфисковали? Приезжайте ко мне, если сможете.

Берегите себя!

С большой любовью, Имоджен

Р. S. Только что узнала о том, что объявили войну. Мистер и миссис Л. позвали нас с Хелен в гостиную послушать выступление мистера Чемберлена по радио. Мне показалось, что у него был расстроенный голос. Все это кажется невероятным, особенно когда стоишь на берегу озера Деруэнт-Уотер и любишь прекрасными пейзажами.

Р. Р. S. Пожалуйста, пришлите мои броги и еще коричневые ботинки, один из моих плащей (любой) и, если возможно, желтое пальто и коричневую шляпу – но только не бретон (а впрочем, если шляпу не сможете

выслать, то ничего страшного).

Еще раз с любовью, Имоджен

На следующее утро, когда Имоджен уже собиралась выходить из дома и поправляла перед зеркалом свою шляпку от школьной формы, на коврик у входной двери дома Латимеров упало письмо, подписанное аккуратным почерком ее матери. Имоджен с нетерпением схватила его, решив прочитать по дороге в школу.

3 сентября 1939 года

Госфорт,

Ньюкасл-апон-Тайн

Моя милая Имоджен!

Я получила вчера открытку с твоим новым адресом. Рада узнать, что ты благополучно добралась и обрела крышу над головой. С нетерпением жду от тебя новостей и надеюсь, что семья, которая тебя приняла, – добрые и славные люди.

У нас все хорошо. Мы слушали вчера выступление мистера Чемберлена по радио, а ты? Мне показалось, что он был в мрачном расположении духа, но в такой ситуации это неудивительно.

Имоджен была так поглощена чтением письма, что, переходя дорогу, даже не посмотрела по сторонам. Она вздрогнула, услышав звонок велосипеда и визг тормозов. Обернувшись, она увидела пожилого мужчину, который лежал на дороге рядом со своим велосипедом. Лицо у него было пунцовым.

– Простите, – сказала Имоджен, помогая ему подняться. – Мне так жаль.

Мужчина раздраженно оттолкнул ее и стал отряхиваться, ворча себе под нос: «Глупая девчонка!».

– Ну... вижу, что с вами все в порядке, правда ведь? – с тревогой в голосе спросила Имоджен. Затем она бежала до конца дороги и смотрела, как мужчина едет, неуверенно покачиваясь.

По пути в город Имоджен нашла скамейку и села на нее, чтобы спокойно дочитать письмо. Она быстро пробежала глазами рассказ матери об игре в бридж с соседями днем ранее. Похоже, миссис Макмастерс была недовольна тем, что двух ее обожаемых старших сыновей, Джонно и Филиппа, призвали на службу в армию. Она считала это ужасно несправедливым. Но Имоджен обратила внимание на упоминание матери о Фредди, младшем сыне миссис Макмастерс:

...только Фредди все еще дома. Он учится на архитектора в Королевском колледже в Ньюкасле и пока числится в запасе, так как ему позволили отучиться первые два года. Однако он уже вступил в университетский отряд ВВС.

Имоджен откинулась на спинку скамейки и посмотрела на голубое небо, подумав о Фредди. Ему было девятнадцать – на четыре года старше Имоджен, но, несмотря на разницу в возрасте, в последнюю пару лет они сдружились. После того как старшие братья покинули дом и стали работать и учиться

ся, Фредди было нечем себя занять, и в конце концов однажды он пригласил Имоджен поиграть с ним в теннис в местном клубе. К своему небольшому разочарованию, Фредди выяснил, что Имоджен с легкостью его обыгрывает, правда, исключительно благодаря хитрости и целеустремленности – по крайней мере, именно так он объяснил итоговый счет их игры.

– Молодец! – похвалил он ее, когда они сидели в баре теннисного клуба. – Я впечатлен, – с этими словами он отхлебнул пиво из своего стакана. – Но только не вздумай рассказать моим братьям, что ты меня обыграла!

– Захочу – расскажу, а захочу – нет, – поддразнила его Имоджен.

Имоджен направилась к школе, размышляя о Фредди. Упомянув про него, мать словно прочитала мысли Имоджен и поняла, что ее дочери нравился этот парень, который был на несколько лет старше нее. «Да и как можно было не увлечься Фредди, с его темной челкой, вечно падающей на светло-серые глаза, его обаятельным смехом и добродушным характером?» – подумала Имоджен. Для пятнадцатилетней девушки он казался таким очаровательным и взрослым. Однако, читая в письме матери об интересной жизни Фредди в университете, Имоджен с грустью подумала, что его наверняка уже подцепила какая-нибудь более взрослая девушка. Возможно, он даже успеет жениться, пока она будет сидеть

в Озёрном крае.

Имоджен уже подходила к воротам школы и читала последний абзац в письме матери, когда ее окликнула Джой.

– Привет, незнакомка. Я ждала тебя.

– Ой, привет, – сказала Имоджен.

У Джой в руках была клюшка для игры в лякросс. Ее каштановые волосы, как всегда, были заплетены в косички и торчали под лихими углами из-под шляпки. Джой заглянула через плечо Имоджен, пытаясь прочесть письмо. Ее карие глазки-пуговицы блестели от любопытства.

– Что там у тебя?

– Просто письмо из дома, – ответила Имоджен, складывая письмо и убирая его в карман пиджака.

– Что-нибудь интересное? – спросила Джой, когда они шли через спортивную площадку к главному входу.

– Да нет. Просто небольшие новости о Фредди Макмастерсе.

– Я знаю Фредди? – спросила Джой, открывая дверь.

– Нет, не думаю. Он наш сосед. Вряд ли вы с ним встречались.

– Что ж, судя по выражению твоего лица, – сказала Джой, – мне кажется, пришло время рассказать о нем все.

Глава четвертая

Ферма Ферзехоф, октябрь 1939 года

Письмо Карла, спрятанное Магдой в Библии, стало для нее источником постоянной тревоги. Каждое утро, просыпаясь, Магда думала, что, возможно, именно сегодня она должна показать его матери. Умываясь над фаянсовым тазом, причесывая волосы и заплетая их в длинные светлые косички, которые свисали по обе стороны от овального лица, надевая теплые чулки, темно-синюю юбку и белую блузку – форму, которую носили «Юные девы», – она мысленно протестовала против наставлений брата уничтожить письмо и никому о нем не рассказывать. Одним тем, что она сохранила его, Магда подрывала доверие Карла. Показав письмо родителям, она совершила бы двойное предательство.

Магда знала: матери очень хотелось узнать, что было в письме. Каждое утро за завтраком она с выжидающим видом наклонялась вперед, приоткрывала рот, чтобы задать вопрос, но так ничего и не говорила. Магда понимала это и чувствовала себя виноватой из-за того, что расстраивает ее. Если бы она была честной, то позволила бы матери прочитать письмо и объяснить ей, что имел в виду Карл. Почему кровь Кальманов на их руках? Они ведь не умерли... а просто переехали? Но потом она вспоминала о наставлении брата никому ничего не рассказывать и принимала решение не

показывать письмо.

Ситуация усложнялась тем, что Магда знала: мать наверняка попытается найти письмо. Эта запутанная игра в прятки была ей хорошо знакома. Всякий раз, когда Магда пыталась что-то спрятать от матери, та начинала поиски. Магда научилась предугадывать действия матери и оставляла куски ткани на прикроватной тумбочке или ящике письменного стола. Возвращаясь из школы, она проверяла их, и если они оказывались сдвинуты, значит, ее секрет пытались раскрыть. В школе с ней учился один мальчик по имени Отто. Он был примерно на год старше Магды, и она ему очень нравилась. Отто писал ей любовные письма, которые оставлял на школьной парте. Магда приносила домой эти письма и втайне ото всех читала, а затем прятала. Эти письма одновременно пугали и восхищали ее. Магде было приятно, что кто-то ее любит, но ей не нравилось, как эта любовь выражалась. Отто писал, что хочет обнять ее и «потрогать в самых потаенных местах» – одна мысль об этом вызывала у нее страх и отвращение. Логичнее всего было бы уничтожить эти записки, но Магда все равно хранила их: они помогали ей насладиться тем чувством власти, которое она имела над Отто. Поэтому она заворачивала их в листы газеты, отогнув один из уголков, и прятала в самом нижнем ящике комода под стопкой ночных рубашек. Как-то днем, вернувшись домой из школы, Магда обнаружила, что ее вещи лежат немного в другом порядке, а загнутый уголок газетного конверта

разглажен. Мысль о том, что мать читала эти непристойные записки, была ужасной и постыдной. Но, вместо того чтобы ругаться с матерью, Магда решила найти более надежный тайник и стала прятать письма под шкафом для одежды – за сломанной половицей.

Однажды, темным вечером в конце октября, после школы, Магда сидела за кухонным столом и ритмично стучала ногами по стулу, наблюдая за тем, как мать варит большую кастрюлю тернового джема.

– Лотта любила этот джем, – сказала Магда.

Мать, разгоряченная готовкой, с недовольным видом откинула с лица прядь светлых волос.

– Это ведь джем из терна, не так ли? – поинтересовалась Магда.

– Что? – спросила мать.

– Джем... он из терна?

– Да, Магда. В этом году я собрала большой урожай, поэтому и готовлю джем.

– Мамочка...

– Да, Магда...

– Мамочка... пожалуйста, расскажи мне, почему Лотта и доктор Кальман уехали из деревни?

– Ох, ради бога! – сердито воскликнула мать. – Зачем тебе нужно это знать?

– Потому что она моя подруга, – просто ответила Магда.

– Была твоей подругой. – Мать взяла ложку и стала вынимать из плодов терна косточки, складывая их на большую тарелку.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Магда.

– Ты не можешь дружить с... евреями, – раздраженно ответила мать. – Прости, но так теперь обстоят дела.

– Почему? – удивилась Магда. – Это же нечестно. Расскажи мне... ты знаешь, что с ними случилось?

– Ты правда хочешь это знать? – Мать в ярости развернулась и, сложив руки на груди, тяжело опустилась на стул напротив дочери.

– Да, – ответила Магда, взволнованная тем, что сейчас услышит правду.

– Как-то раз я зашла в деревенский галантерейный магазин, – начала мать, – хотела купить там ткань тебе на новое платье и поднесла к свету кусок светло-розового хлопка... Ты ведь знаешь, как там темно, а я должна была убедиться, какой у нее в действительности цвет... и подойдет ли он тебе.

Магда кивнула.

– И в этот момент я увидела, что на площадь вышел доктор Кальман со своей женой Эстер и детьми, Лоттой и ее младшим братом Эзрой. Они несли вещи. За несколько дней до этого я встретила Эстер. Помню, она была очень тихой, как будто... огорченной чем-то. Я попыталась разговорить ее, но она не стала со мной общаться. Я хотела выйти на площадь и спросить, куда они собираются, но герр Вольфхарт,

владелец магазина, взял меня за руку и сказал: «Не надо».

– Почему они решили уехать? – спросила Магда.

Голубые глаза Кете наполнились слезами.

– Некоторые жители деревни плевали в них – это были молодые ребята из гитлерюгенда. Знаешь, тот мальчик, Отто, был одним из них.

Магда покраснела, вспомнив о письмах.

– Они толкали их, – продолжала Кете. – Помню, я еще подумала: почему эти мальчишки не в школе? Если честно, то они совсем распоясались. Знаешь, они стали доносить... на жителей деревни, которые, по их мнению, недостаточно патриотично настроены.

Глаза Магды удивленно округлились:

– Правда?

– О да, – подтвердила мать. – Среди нас есть шпионы, Магда. И эти шпионы – еще дети. Они даже донесли на одного из твоих учителей. Сказали, что он недостаточно уважает фюрера, можешь себе представить? Когда я была ребенком, мы должны были уважать учителей. А теперь всем заправляют эти юнцы.

Слезы покатались по лицу Кете, она нервно теребила край своего фартука.

– Но все-таки что же случилось с доктором Кальманом? – тихо спросила Магда.

– Я видела, как знакомые мне люди, с которыми мы вместе ходим в церковь, кричали на них, оскорбляли. Они орали:

«Вам здесь не место, убирайтесь! Проваливайте к таким же, как вы!» Я была потрясена. Я считала этих женщин своими подругами, но то, как они обращались с Кальманами, со своим доктором, хорошим человеком, с его женой и детьми, это было отвратительно. Когда мальчишки снова стали кричать и плевать в них, я сказала герру Вольфхарту: «Мальчишки должны вести себя более почтительно. Ведь доктор Кальман – уважаемый человек и профессионал своего дела». Моя рука сжала дверную ручку, я уже собралась выйти на площадь, высказать мальчишкам все, что я о них думаю, и урезонить остальных, но герр Вольфхарт подошел и запер передо мной дверь. «Фрау Майер, не вмешивайтесь, – прошептал он. – Боюсь, теперь вы уже ничего не сможете для них сделать. Пусть уезжают из деревни... Надеюсь, в другом месте их жизнь будет спокойнее».

Слезы по-прежнему текли по покрасневшимся щекам Кете, и она небрежно стерла их краем передника.

– Я подвела их, – сказала она. – Возможно, я могла не допустить всего этого, но испугалась.

Мать встала и повернулась, чтобы помешать джем.

– Я благодарю Бога за то, что твой брат Карл уехал в Англию, – сказала она. – Ты помнишь мальчика по имени Клаус, который жил в соседней деревне и был очень набожным католиком? Он попытался дать отпор гитлерюгенду. Обвинял их в том, что они ведут себя не по-христиански, предлагал искупить свои грехи. Так вот, его забрали. И

больше никто не видел ни его самого, ни его родителей, ни его брата...

Кете обернулась и прислонилась к плите, глядя заплаканными глазами на дочь.

– Так что, моя дорогая Магда, как бы мне ни было жаль Кальманов, вас с Карлом я люблю больше и сделаю все что угодно, лишь бы защитить вас. Я не могу помочь Эстер и доктору Кальману, не могу искоренить ненависть в нашей деревне. Но я могу присматривать за тобой и молиться о том, чтобы у Карла все было хорошо. Мне просто хочется узнать, как у него дела.

Магда подошла к матери, обняла за талию и зарылась лицом в ее грудь. Кете наклонилась и поцеловала дочь в макушку. Внезапно Магда отстранилась и побежала наверх, а вскоре вернулась с письмом.

– Мамочка... прости, – сказала она, протягивая его матери. – Вот письмо Карла.

Мать широко улыбнулась. Она быстро вытерла свое покрасневшее лицо и липкие руки о фартук, взяла у Магды письмо и поцеловала конверт. Усевшись на большой сосновый стул во главе стола, она начала читать. Закончив чтение, Кете свернула письмо и убрала его обратно в конверт.

– Подойди сюда, – сказала она, протягивая к дочери руки, – дай я обниму тебя.

Магда села к матери на колени, обняла за шею и положила голову ей на плечо.

– Я понимаю, почему ты не хотела мне его показывать, – тихо сказала Кете. – Ты боялась предать доверие брата.

Магда кивнула. Она чувствовала себя так, словно с ее плеч упал большой груз.

– То, что он говорит о своей стране, приводит в шок, – продолжала мать, – но я не удивлена. Карл часто делился своими страхами насчет того, что происходит. Прежде чем уехать в Англию, они с отцом часто засиживались до поздней ночи и обсуждали все это. Тогда я думала, что это просто разговоры, – мужчины вообще любят поговорить, Магда. Часто они больше говорят, чем делают. Но теперь Карл занимается тем, во что верит, и я должна уважать его решение. Он такой умный мальчик, и я знаю, ему было тяжело говорить такие вещи.

– Стоит ли показывать письмо папе? – спросила Магда.

– Нет, – ответила Кете. – Не думаю. Он заставит нас уничижить его.

– Значит, ты считаешь, что мы не должны избавляться от него?

– Конечно, должны, – возразила Кете, глядя пальцами письмо. – Но мы этого не сделаем, правда? Мы с тобой не решимся на это. Ведь не исключено, что это последнее письмо, которое мы от него получили.

– Ах, мамочка, пожалуйста, не говори так! – Магда уткнулась носом в шею матери. – Мне страшно, мамочка.

– Знаю, Liebling¹, – сказала мать, глядя ее по волосам. –
И мне тоже.

¹ Любимая (*нем.*)

Глава пятая

Кесуик, октябрь 1939 года

Имоджен проснулась на рассвете. Она молча выбралась из постели и тихонько прошла по холодному, покрытому линолеумом полу в коридоре к уборной. Ее немного смущал звук, который издавал большой бак, когда кто-то в уборной дергал за цепочку, поэтому она поспешила поскорее вернуться в комнату, которую делила с Хелен. Ее соседка вздохнула и повернулась в своей постели, с головой накрывшись пуховым одеялом, украшенным узором в виде индийских огурцов.

В комнате было холодно. Окно между двумя кроватями запотело. Имоджен испытывала сильное желание вернуться в свою постель и закутаться в одеяло. Но вместо этого она протерла окно тыльной стороной ладони, проделав небольшое отверстие. Сквозь него можно было видеть солнце, поднимавшееся над горами позади дома. Вероятно, ночью шел снег, поскольку скалистые вершины гор были уже не серыми, как прошлым вечером, – теперь их слегка присыпал первый снег. И они сверкали под осенним солнцем, бледно-розовые и манящие, как в волшебной сказке.

Позже тем же утром Имоджен и Хелен помогали накрывать стол для завтрака в столовой, а миссис Латимер отдава-

ла им распоряжения через окошко из кухни.

– Возьмите бледно-голубую скатерть, она у меня одна из самых лучших и лежит в среднем ящике кухонного шкафа. А тарелки вы найдете в буфете... справа. Возьмите те, что с маленькими яблоками и грушами. Салфетки – как обычно, в тумбочке.

После того как стол был накрыт, вареные яйца разложены по тарелкам из китайского фарфора, а тосты выложены в мозаичную фарфоровую подставку серо-зеленого цвета, Имоджен спросила миссис Латимер, не могли бы они прогуляться после завтрака в горы.

– Мы хотели бы подняться на Скиддоу, – предложила Имоджен, – ее заснеженная вершина так красиво сверкает на солнце.

– Ты хотела сказать «Скидда»? – проворчал мистер Латимер из-за свежего номера «Пенрит обсервер».

– Прошу прощения, мистер Латимер? – вежливо переспросила Имоджен, разбивая скорлупу на своем яйце.

– Название этой горы произносится как «Скидда»... с ударением на конечную «а». А если ты будешь говорить «СкиддОРЕ», – последние три буквы он проговорил особенно четко, – то местные ребятишки тебе этого никогда не простят, – с этими словами мистер Латимер посмотрел на Имоджен поверх газеты и подмигнул ей, а затем снова углубился в чтение.

– Что ж, большое вам спасибо. Теперь я, – сказала Имод-

жен, в свою очередь подмигивая сидевшей напротив нее Хелен. – То есть мы будем произносить это название правильно.

После завтрака Имоджен и Хелен убрали со стола и помыли посуду, пока миссис Латимер собирала для них ланч. В прихожей, когда девочки уже надевали пальто, береты и шарфы, миссис Латимер достала из столика карту Британского картографического общества.

– Я думаю, что для первого похода в горы Скиддоу – слишком смелый выбор, девочки, – сказала она. – Предлагаю начать с маленькой горы Латригг. Идите вот здесь, по Спунни-грин-лейн, – ее наманикюренный палец провел по пунктирной линии, отмечавшей маршрут, – через лес и на самую вершину горы. Оттуда открывается прекрасный вид на город, на озеро Деруэнт-Уотер и окружающие его горы.

Аккуратно свернув карту, миссис Латимер отдала ее Имоджен.

– И вам лучше надеть ботинки, – посоветовала она, глядя на туфельки девочек. – Ваша обувь совсем не подходит для таких прогулок.

– Нам не нужны ботинки! – бойко ответила Имоджен. – Что за ерунда? Это ведь всего лишь небольшая прогулка!

Хелен не была уверена, разумно ли надевать повседневную обувь, и даже пожалела, что не последовала совету хозяйки дома, но решила не спорить. Имоджен бывала доволь-

но нетерпимой к людям слабым и хилым. Но через полчаса даже Имоджен пожалела о своем поспешном решении, когда выяснилось, что ее новые коричневые броги немного подтекают и носки стали намокать. Будучи оптимисткой по натуре, она старалась не обращать на это внимания, пока они брели по тропинке мимо зеленых полей, не сводя глаз с заснеженной вершины.

– Миссис Л. сказала, что, дабы подняться на Латригг, нужно пройти всего три с половиной мили, – бодро заявила Имоджен. – Нам ведь не составит труда пройти такой путь... как думаешь?

– Да, наверное, – с сомнением в голосе ответила Хелен, глядя на вершину холма, возвышавшегося над сосновым лесом на склонах. – Джинни, ты точно умеешь ориентироваться по карте?

– Разумеется, – с гордостью сказала Имоджен. На самом деле она не очень хорошо разбиралась в картах, с их сложными узорами маршрутов, пересекающих коричневые кольцевые линии, указывающие крутизну склонов гор, по которым им предстояло подниматься.

Но после того, как они с относительной легкостью преодолели небольшой подъем, Имоджен решила взять на себя роль лидера и выбрала тропинку, идущую по склону горы. Справа от них величественно возвышались сосны, и солнечные лучи пронзали их темные кроны практически под прямым углом. Слева время от времени попадались дубы, чьи окрашенные

в яркие осенние краски листья уже начали облетать.

Когда лес закончился и они снова оказались на открытом участке склона, перед ними предстал потрясающий вид на заснеженные горные вершины. Дорога начала подниматься вверх зигзагом, и хотя до снежной шапки наверху было еще далеко, земля под ногами уже обледенела и стала скользкой. Девочки в их неподходящей для таких походов обуви постоянно поскальзывались. В какой-то момент Имоджен заметила, что ее шерстяные чулки порвались.

– Черт возьми, – воскликнула она, – это же моя самая лучшая пара! Придется их заштопать.

– Ой, Джинни, – сказала Хелен, – может, нам лучше спуститься?

– Спуститься? – переспросила Имоджен. – Не говори глупостей! Мы уже почти наверху!

Девочки вскарабкались на самый верх и с триумфом достигли вершины. Оттуда они посмотрели на маленький городок Кесуик, на озеро Деруэнт-Уотер и горы на противоположной его стороне.

– Вот это да! – восхитилась Хелен. – Так красиво...

– Ага, очень красиво, правда же? – сказала Имоджен. – Я знала, что мы не зря сюда взбираемся. А теперь давай присядем и устроим пикник.

Солнце уже стояло высоко, и, несмотря на то что ночью выпал снег, теперь он растаял. Девочки сняли свои пальто и постелили их на влажную землю подкладками вверх.

– Здесь так жарко, что можно позагорать, – заявила Имоджен, усаживаясь на свое пальто. Они достали сэндвичи и кексы и разложили их перед собой.

– Что... ты предлагаешь снять одежду? – с ужасом спросила Хелен.

– Нет, глупышка... не всю. Но мы могли бы снять кофты и расстегнуть блузки. Я как-то читала статью в журнале «Скрин-плей». Там рассказывалось о том, как Грета Гарбо принимает солнечные ванны. Она отдыхала на юге Франции. На ней были очень красивые короткие шорты и топик, который заканчивался вот здесь, – Имоджен показала у себя под грудью.

– И что... все могли видеть ее живот? – изумилась Хелен.

– Да, – сказала Имоджен. – Я спросила у мамы, может ли она сшить мне такой же.

– И что она ответила?

– Сказала, что подумает.

Имоджен расстегнула пуговицы на блузке и распахнула ее, обнажая живот.

– Джинни! – воскликнула Хелен. – А вдруг нас здесь кто-нибудь увидит?

– Что?! Здесь? Не говори ерунды!

Имоджен легла, подставив солнцу свой белый живот. Хелен робко расстегнула пуговицы, но скромно завязала полы блузки узлом.

– Здесь, наверху, – сказала Хелен, садясь и обхватывая

колени руками, – такая тишина и спокойствие, что просто не верится, будто где-то идет война.

– Да, – согласилась Имоджен. – На днях я написала то же самое в письме маме.

– Может, скоро все закончится, – предположила Хелен и слегка вздрогнула, откусывая кусочек кекса. – Взрослые ведь во всем разберутся, правда?

– Хм-м-м, – протянула Имоджен, – я не уверена. Ты же знаешь, что и взрослые не могут решить всех проблем?

– Надеюсь, у них получится, – вздохнула Хелен. – Мой старший брат ушел в армию, и я переживаю за него.

– Прости, – сказала Имоджен, усаживаясь и обнимая Хелен за плечи. – Я не знала. Мои кузены ушли на фронт, и я тоже за них переживаю, но это не то же самое, что родной брат. Уверена, с ним все будет хорошо, Хелен. Приляг, давай немного позагорает на солнце, пока есть такая возможность.

Через полчаса солнце достигло зенита, а затем скрылось за холмом, и воздух стал прохладным.

– Пойдем, Джинни, – взмолилась Хелен, застегивая блузку и натягивая пальто. – Я замерзла... пора возвращаться.

– Ну ладно, – с неохотой согласилась Имоджен. Она заткнула блузку под твидовую юбку и надела кофту через голову. Встав, она отряхнула мокрую траву со своего пальто и надела его, после чего они с Хелен пошли вниз.

Поскальзываясь и спотыкаясь на спускавшейся зигзагом

дороге, в конце концов они поняли, что потеряли ориентиры. Солнце быстро скатывалось за горы, которые теперь стали лиловыми. Начинало темнеть.

– Ой, Джинни, – жалобно заныла Хелен, – мы заблудились.

Имоджен переживала не меньше подруги, но продолжала уверенно идти вперед, пытаясь рассмотреть в полумраке карту.

– Нет-нет... у нас все хорошо. Я уверена, что по дороге туда мы проходили это дерево, – сказала она, махнув рукой в сторону массивного дуба, чьи ветви свисали над дорогой.

– Правда? – с тревогой спросила Хелен. – Я этого не помню.

На самом деле Имоджен тоже не была в этом уверена, но все равно мужественно шла дальше.

Неожиданно дорога стала подниматься вверх.

– Джинни, – Хелен схватила подругу за руку, – мы опять... идем наверх... Джинни!

Имоджен с раздраженным видом обернулась к ней.

– Ты заблудилась! – выпалила Хелен с влажными от слез глазами. – Признайся!

– Что ж, – сказала Имоджен, изо всех сил стараясь подавить охватывающую ее панику, – ты тоже заблудилась. Попробуй сама посмотреть карту, если ты такая умная.

Она бросила уже изрядно потрепанную карту на каменистую дорогу, а сама присела на траву на обочине, сняла свою

коричневую туфлю и стала осматривать подошву, в которой образовалась дырка размером с гинею. Ее чулок промок, к тому же она натерла пятку, и там надулся здоровенный волдырь. Имоджен хотелось расплакаться, но она решила, что в присутствии подруги будет вести себя как ни в чем не бывало.

В кустах неподалеку послышался шорох.

– Что это? – шепотом спросила Хелен.

– Не знаю, – ответила Имоджен. – Может, кролик?

– Слишком громко для кролика.

– Тогда олень... Здесь в горах водятся олени.

В кустах послышался тихий смех, и два мальчика – на вид лет пятнадцати – вынырнули из леса, хохоча и держась за бока.

– А, – резко сказала Имоджен, – это всего лишь глупые мальчишки. Пойдем, Хелен... нам пора.

Она надела туфлю, схватила подругу за руку и стала уверенно взбираться вверх. Мальчишки стояли рядом и открыто потешались над ними.

– По этой дороге вы далеко не уйдете, – крикнули они, – если только не собираетесь заночевать на горе Скиддоу!

Затем мальчишки повернулись и побежали в противоположном направлении, смеясь и улюлюкая. Имоджен подождала, пока они скроются из вида, потом снова взяла Хелен за руку и пошла вслед за ними.

Когда солнце скрылось за горизонтом на западе и над

Скиддоу взошла луна, девочки наконец отыскивали обратную дорогу через сосновый лес. Они бежали сквозь сгущающиеся сумерки, пока не добрались до знакомой Спун-грин-лейн. Задышавшись, они добрались до окраины города, где снова увидели тех двух мальчишек, которые ждали их, прислонившись к забору.

– Все-таки выбрались, – сказал с усмешкой тот, что был выше ростом.

– Да, спасибо, – отозвалась Имоджен, стараясь сохранить чувство собственного достоинства, даже несмотря на то что ее чулки промокли, а прохудившаяся подошва хлюпала при каждом шаге.

– А там не слишком холодно... для солнечных ванн? – с грубым гоготом поинтересовались мальчишки.

Щеки у Хелен стали красными, как свекла. Она взяла подругу за руку и прошептала:

– Они нас видели! О Джинни, как ты могла! Они видели...

– А мне плевать! – резко парировала Имоджен. – Это было очень здорово, – сказала она высокому мальчишке. У него были голубые глаза и лохматые волосы. – Вам тоже стоит как-нибудь попробовать. А то вы такие бледные...

Она повернулась на каблуках своих хлюпающих туфель и уверенным шагом направилась к Мейнор-парку. Хелен шла следом за ней. Перед тем как свернуть за угол, Имоджен обернулась и увидела, что высокий мальчишка смотрит на нее с улыбкой на губах. И она готова была поклясться, что

он ей подмигнул.

Глава шестая

Ферма Ферзехоф, декабрь 1939 года

Каждый год в первую субботу декабря Кете делала рождественский венок. На кухонном столе лежали зеленые ветки, наполнявшие комнату своим ароматом. Она сорвала сосновые ветки и ветви омелы, собрала с кустов живой изгороди поздние ягоды и украсила всем этим основу из соломы, сделанную в форме кольца. Бархатные и льняные ленты, которые использовали каждый год, а затем аккуратно сворачивали и убирали, с трудом уместались в маленькой овальной коробке. Четыре новые красные свечи тоже ждали, когда их воткнут в венок. Одну из свечей должны были зажечь на следующий день – в первое воскресенье декабря, вторую – через неделю и так далее, до наступления сочельника.

Магда в форме «Юных дев» вошла в кухню со двора. В тот день у них была специальная встреча с представителями гитлерюгенда: они обсуждали празднование зимнего солнцестояния, которое хотел организовать в деревне их лидер.

– Я рада, что ты вернулась, – сказала Кете, вплетая омелу между колючих сосновых веток. – Не хочешь помочь мне с венком?

Магда всегда любила рождественские приготовления: мать и дочь стали вместе плести венки с тех пор, как Магда подросла настолько, что смогла придавать форму упругим и

колючим веткам.

– Нет, – ответила Магда, направляясь к лестнице.

– Магда! – крикнула ей вслед мать. – Что-то случилось?

– Я просто устала.

Магда бегом поднялась по лестнице, ворвалась в свою комнату и рухнула на кровать. Кете последовала за ней и остановилась в дверях со встревоженным видом.

– Магда? *Liebling*... расскажи мне, в чем дело?

– Я ненавижу все это! – воскликнула Магда. – Ненавижу «Юных дев» и всех девчонок! Ненавижу фрейлейн Мюллер. Ненавижу и не хочу больше в этом участвовать. Пожалуйста, скажи, что я могу остаться дома, мамочка!

Кете вошла в комнату, села рядом с дочерью и обняла ее.

– Ах, моя малышка... Они тебя обижают?

– Нет, дело не в этом, – с нетерпением в голосе ответила Магда. – Они меня недолюбливают, но мне все равно – я тоже их не люблю. Я просто не хочу больше туда ходить. Они все изменили... даже Рождество!

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Кете.

– Мы даже не можем больше называть этот праздник Рождеством. Теперь он называется Йоль. Фрейлейн Мюллер сказала, что за столетия до того, как стали праздновать Рождество, мы отмечали день зимнего солнцестояния. И теперь мы тоже должны его праздновать – вся наша арийская семья. Собираться вокруг костра, рассказывать друг другу истории о мужестве.

– А что в этом плохого? – удивилась Кете.

– Нам не разрешается упоминать имя нашего Спасителя – Иисуса Христа. Теперь единственный наш спаситель – фюрер. Ты можешь себе это представить?

Кете с грустью покачала головой.

– И не будет больше никакого Вайнахтсмана². Теперь подарки нам будет приносить Один – ужасный старик в белых одеяниях.

– Но... – сказала Кете, – неужели это так важно?

– Да, это важно! Разве ты не понимаешь? Все изменилось. Мы даже не можем больше украшать нашу елку звездами, потому что они являются символами коммунизма или и того хуже – напоминают Звезду Давида. Мы должны были вырезать свастики и раскрасить их золотой краской.

– По-моему, это даже мило, – заметила Кете. – А где твои?

– Я повесила их на кусты, пока шла домой.

– Ох, Магда...

– Нам не позволяют даже петь рождественские гимны. В них меняют слова, превращая их... как это называется? В пропаганду... Да, верно, в пропаганду партии.

– Я уверена, что это неправда...

– Фрейлейн Мюллер говорит, что мы должны развести в деревне костер и пойти к нему петь песни.

– Но что же в этом плохого? – мягко спросила Кете. – Петь песни, даже необязательно рождественские, – это же так ве-

² Немецкий рождественский персонаж, аналог Деда Мороза или Санта-Клауса.

село!

– Нет, мамочка! Сегодня мы репетировали их: они ужасны! – Магда зарыдала.

Мать прижала ее еще крепче.

– Магда, – спокойно сказала она, – мне жаль, что тебе это не нравится, но ты должна пойти туда. В противном случае это будет не очень хорошо выглядеть.

Кете слышала истории о семье, которая не пускала своего сына на встречи гитлерюгенда. Недавно отца этого семейства отправили в трудовой лагерь.

Магда посмотрела на мать:

– Я думала, ты понимаешь...

– Понимаю, – сказала Кете. – Но у нас будут неприятности, если ты туда не пойдешь. Запомни: ты можешь петь песни и размахивать флажками, но тебе необязательно... – она пыталась подобрать нужные слова, – необязательно верить в это.

Магда заглянула в голубые глаза матери:

– Значит, я должна притвориться? Лгать?

– Можно и так сказать, – ответила Кете. – Знаю, Магда, это тяжело. Но мы живем в опасное время. А теперь спускайся вниз и помоги мне закончить венок. Ведь ничего не изменилось, все осталось как прежде! Они не смогут забрать это у нас. А потом можем что-нибудь приготовить. Например, печенье с корицей. Что скажешь?

– Нет, мамочка, – ответила Магда. – Прости, но у меня

нет настроения.

Праздник у костра устроили в следующее воскресенье. Ночью накануне шел сильный снег, и всю деревню укутало снежным покрывалом.

Зимняя погода принесла послабления в отношении обязательной формы: молодым людям и девушкам разрешили носить зимние пальто, ботинки и шапки. Девушки выглядели очаровательно в меховых шапках и варежках. Мехом были оторочены и их ботинки, и воротники пальто. Даже парни казались уже не такими воинственными в кроличьих шапках и ярких разноцветных шарфах. Наблюдая за своими сверстниками, Магда признавала, что теперь даже Отто в своем красном шарфе, связанном его матерью, был похож на обычного мальчишку, а не на того агрессивного хулигана, который, по рассказам Кете, оскорблял доктора Кальмана и его семью. Глядя на этого розовощекого юношу в шерстяном шарфе и меховой шапке, трудно было поверить в то, что он мог быть жестоким.

Весь день мальчишки из гитлерюгенда собирали хворост для костра в окружавшем деревню лесу. Они складывали его в центре площади, пока «Юные деvy» накрывали столы, на которых лежали черно-красные скатерти, украшенные свастиками. Раскладывая на столах домашние пироги и печенья, Магда подумала, что это больше напоминает встречу национал-социалистов, чем празднование Рождества. Из тра-

диционных рождественских атрибутов была только ель, которую срубили за несколько дней до этого в лесу и установили на краю площади. Несмотря на то что на ее заснеженных ветках висели блестящие свастики, Магда была вынуждена признать, что выглядело это красиво. С наступлением сумерек жители деревни собрались на площади, и члены гитлерюгенда обошли их всех с банками для сбора пожертвований в фонд «Зимняя помощь»: национал-социалистическая партия создала его, чтобы помогать бедным арийцам.

Прежде чем парни и девушки начали петь националистические песни, Эрике и Отто как молодежным лидерам вручили свечки, чтобы они зажгли огни на рождественском дереве.

– Вот, это тебе, – сказала Эрика Магде, протягивая ей одну из свечей. – Давай зажжем их вместе?

Магда понимала, что это был дружеский жест, и, хотя этим вечером ей все казалось ужасным, она не могла подавить в себе легкое чувство гордости из-за того, что именно ее выбрали для этого ритуала. Было что-то невероятно радостное в мерцающих во мраке свечах. Магда и Эрика зажигали свечи на елке внизу, а Отто стоял на деревянной лестнице и зажигал их наверху.

Слезая, он нечаянно толкнул Магду.

– Прости, – сказал он, краснея. – Я тебя заметил.

Его вежливость насторожила Магду. Это было так странно. У нее просто в голове не укладывалось, как этот тихий

и скромный мальчик мог говорить такие гадости ее подруге Лотте.

После праздника девочки убрали со столов, а мальчики затушили угли в костре.

– Можно я провожу тебя домой? – спросил Отто, когда они привели все в порядок.

– Тебе совсем не обязательно это делать, – сказала Магда. Она боялась, что он попытается поцеловать ее.

– Но я все равно хочу тебя проводить... – продолжал настаивать Отто.

– Я пойду с вами, – с энтузиазмом заявила Эрика. – Я живу рядом.

Впервые Магда обрадовалась вмешательству Эрики. Отто был явно недоволен, но с неохотой согласился, и трое молодых людей пошли через лес на окраину деревни. Высокие ели отбрасывали в лунном свете зловещие тени, и Магда с облегчением вздохнула, когда они наконец оказались на поле, ведущем к ферме.

Как всегда, находясь в компании представителей молодежного движения, Магда была молчалива. Зато Эрика без умолку трещала о том, какой прекрасной была церемония, как она гордится фюрером и «Юными девами» и какие вкусные пироги она испекла. Магда слушала ее молча и только улыбалась.

– Это так чудесно, что жители деревни поддержали нас, когда мы пели, правда, Магда? – спросила Эрика.

– Да, – равнодушно ответила та.

– Кажется, Магде не очень понравился вечер, – проницательно заметил Отто.

– Почему же? Понравился, – возразила Магда, пытаясь изобразить энтузиазм в голосе. – Я люблю Рождес... то есть Йоль. И елка была очень красивая.

– А что насчет песен? – спросил Отто. – Ты пела тихо. Такое ощущение, что они тебе не по душе.

– Какие глупости ты говоришь, – сказала она, бросив на него недовольный взгляд, и пошла вперед, оставляя глубокие следы на снегу.

– Мой дом вон там! – крикнула она Отто и Эрике. – Дальше я сама дойду. Отто, не хочешь проводить Эрику?

– И ты даже не угостишь меня чем-нибудь горячим, – спросил он разочарованно, – перед тем как я вернусь домой?

– Я могу тебя угостить, – живо вмешалась Эрика.

Магда ускорила шаг. У ворот фермы она обернулась и помахала им рукой.

– До скорого! – крикнула она и побежала по тропинке, но, не добежав до дома, спряталась за молочной фермой, откуда открывался отличный вид на дорогу. Магда заметила, что Эрика взяла Отто под руку и смотрела на него с нескрываемым восхищением.

– Бедная Эрика, – пробормотала Магда и поспешила поскорее укрыться в доме.

Глава седьмая

Кесуик, декабрь 1939 года

Девочки из школы Имоджен занимались в здании местной общеобразовательной школы, и мальчики проходили обучение вместе с ними. Это было не очень удобно, и сотрудникам школы приходилось все тщательно планировать и составлять хитроумное расписание занятий. Девочки и мальчики учились в отдельных классах, но как только звенел звонок, оповещающий о том, что сорокаминутный урок завершился, коридоры наполнялись учениками и ученицами, которые шеренгами шли мимо друг друга на следующий урок, и даже самые внимательные учителя не могли помешать их общению. На этих «перекрестках» передавались записки, назначались свидания и неизменно завязывались отношения. Имоджен была хорошенькой и живой девочкой, и многие мальчишки обращали на нее внимание, поэтому она часто получала записки от поклонников во время встреч в коридоре. В конце концов она решила принимать эти предложения и встречалась с мальчиками в кафе в городе. Иногда Имоджен даже позволяла кому-нибудь из них сопровождать ее во время еженедельного похода в кино, который устраивался по воскресеньям в кинотеатре «Альгамбра», хотя и не соглашалась на их предложения уединиться на заднем ряду или за колоннами.

К ее разочарованию, высокий светловолосый парень, которого они с Хелен встретили на Латригге, пока что не входил в число ее поклонников. Время от времени она видела его около школы. Иногда они переглядывались, и он улыбался ей, но Имоджен его улыбка казалась циничной, как будто он подтрунивал над ней. И если она замечала, что он направляется в ее сторону, то предпочитала уйти в противоположном направлении.

Близился конец семестра, и Имоджен с Джой с нетерпением ждали, когда они смогут поехать домой на Рождество.

– Давай встретимся в городе после школы, – предложила Имоджен. – Я хочу купить небольшой подарок для Латимеров.

– А я ничего не буду покупать для моей ужасной хозяйки, – с грустью сказала Джой. – Она только и делает, что жалуется. И я уверена: она приняла меня только для того, чтобы получать от правительства деньги. Она почти не покупает еды, и я вечно хожу голодная.

– Ох, бедная Джой, – сказала Имоджен. – Как жаль, что тебя не поселили вместе со мной у Латимеров вместо Хелен. Она милая, но подружками мы не станем.

– А она не захочет со мной поменяться? – с надеждой в голосе спросила Джой.

– Сомневаюсь, – ответила Имоджен. – Все знают, какая ужасная у тебя хозяйка.

– Но это так несправедливо, – возмутилась Джой. – Ведь ты моя лучшая подруга, а не она.

– Знаю, – с сочувствием сказала Имоджен. – Может, на следующий год удастся что-то изменить.

– Ой, я так надеюсь, – горячо поддержала ее Джой.

– А сейчас мне нужно найти что-нибудь симпатичное для миссис Л. Она немного грустит, потому что не знает, приедут ли ее сыновья домой на Рождество.

– Что ты собираешься ей купить?

– Пока не знаю, – ответила Имоджен.

Они остановились около маленького магазина подарков, где продавались сувениры из Озёрного края.

– Давай зайдем сюда? – предложила Джой.

Пока девочки бродили по магазину подарков, Имоджен почувствовала, что кто-то следит за ней. Обернувшись, она заметила высокого светловолосого парня, который улыбался ей через витрину магазина, расположенного в здании в георгианском стиле. Покраснев, Имоджен отвернулась и схватила Джой за руку.

– Он там, на улице, – прошептала она.

– Кто? – шепотом спросила Джой.

– Тот светловолосый парень, о котором я тебе рассказывала. Он еще следил за нами с Хелен, пока мы были на горе. Этот мальчик вечно смеется надо мной, неужели ты забыла?

– А, так это он! Тот, который тебе не нравится, – вспомнила Джой.

– Именно. Мне кажется, он такой зазнайка, – с важным видом заявила Имоджен, после чего взяла Джой за руку и повела ее вглубь магазина. Там она взяла снежный шар и потрясла его: белые «снежинки» стали падать на крошечный макет деревни на берегу озера.

Неожиданно парень материализовался рядом с ними.

– Привет еще раз, – сказал он с ехидной улыбкой.

– А, привет, – пренебрежительно ответила Имоджен.

– Это ты недавно принимала солнечные ванны?

– О чем он вообще говорит? – спросила Джой, удивленно уставившись на подругу.

– Да ни о чем особенном, – отмахнулась Имоджен, краснея. – Он просто дурачок. Пойдем, Джой... нам пора.

Имоджен уверенным шагом вышла из магазина, потянув за собой подругу. Когда они свернули по направлению к главной улице, она заметила, что светловолосый парень идет за ними следом.

– Может, хватит нас преследовать? Иначе я кому-нибудь пожалуюсь!

Парень улыбнулся:

– Я просто гуляю по городу, как и вы. Это свободная страна.

– А тебе обязательно гулять... рядом с нами?

Парень остановился и подождал, пока расстояние между ними увеличится. Но его шаги были шире, чем у девочек, и очень быстро он опять догнал их. Вскоре они вышли на

главную улицу с ее многочисленными магазинчиками. Прямо перед ними оказалось здание ратуши с величественной башней с часами, а вдали виднелись горы. Парень похлопал Имоджен по плечу:

– Хочешь молочного коктейля? Тут за углом есть молочный бар, его открыли пару лет назад.

Имоджен понимала, что ей следует отказаться: она прочит его, если просто пойдет вместе с Джой в другую сторону. Но Имоджен никогда еще не бывала в молочном баре – в Ньюкасле их просто не было.

– Ладно, – согласилась она, – но чур платишь ты!

– Хорошо. Только я не буду платить за твою подругу, – заявил парень, указывая на Джой.

– Замечательно, – сказала Джой. – Ладно, мне все равно пора: я еще не сделала это гадостное домашнее задание по математике! До завтра, Джинни...

В молочном баре на главной улице было полно девчонок и мальчишек из окрестных школ. Светловолосый нашел для них свободное место у окна.

– Что будете заказывать? – спросила официантка, покусывая свой карандаш.

Имоджен изучала меню, не зная, что заказать.

– Шоколадный молочный коктейль, пожалуйста, – пришел ей на помощь парень.

– Мне то же самое, – сказала Имоджен. – Так... как тебя

зовут?

– Меня? Дуги. То есть Дуглас.

– Ты шотландец? Я тоже... ну, по крайней мере, мои родители.

– Да, наверное. Мой отец из Эдинбурга. Он учитель.

– Ого... в нашей школе?

Дуги кивнул.

– А как его фамилия?

– Хендерсон, – ответил Дуги.

Официантка принесла молочные коктейли, и Имоджен попробовала свой через трубочку, наслаждаясь его бархатистой сладостью.

– М-м-м, – протянула она. – Вкусно! Ах да, мистер Хендерсон. Ну конечно! Он у нас не преподает, но я видела его в коридоре, и он показался мне приятным. Моя бабушка носила фамилию Хендерсон до того, как вышла замуж за дедушку. Может быть, они родственники? Имоджен улыбнулась и немного расслабилась, подумав о том, что между ней и Дуги может быть отдаленное родство.

– Может быть. Но, знаешь, это очень распространенная фамилия в Шотландии.

На некоторое время между ними повисло неловкое молчание, прерываемое лишь бульканьем их молочных коктейлей.

– Сколько тебе лет? – спросил наконец Дуги.

– Пятнадцать... почти шестнадцать. В следующем году я

пойду в шестой класс. А тебе?

– Семнадцать. Я тебя на год старше. Когда я окончу школу, пойду служить в армию.

– Бедняга, – сказала Имоджен. – Все молодые люди знают, что их призовут на службу. Наверное, это так тревожно. Мне тоже нужно будет чем-нибудь заняться после школы. Хотя не исключено, что к тому времени все закончится... Как ты думаешь?

– Сомневаюсь... – сказал Дуги, убирая с лица светлую челку. Его кожа была гладкой и чистой, и Имоджен заметила, что у него яркие глаза цвета незабудок.

– А что ты будешь делать? – спросил он. – Пойдешь в армию?

– Нет, вряд ли. Сомневаюсь. Если честно, я пока об этом не думала. Может, поступлю в «Рены»³? Мне нравится их форма. – Неожиданно Имоджен поняла, как легкомысленно звучат ее слова.

– Ты симпатичная, – сказал Дуги, краснея.

Когда они выходили из молочного бара, начался дождь.

– Мне пора домой, – сказала Имоджен, поднимая воротник своего пальто. – Наша хозяйка не любит, когда мы поздно возвращаемся.

– Я провожу тебя.

– Не стоит.

– Я все равно провожу тебя... вдруг ты заблудишься.

³ Женская вспомогательная служба ВМС.

– Ты такой нахал, – сказала Имоджен со смехом. Она заправила свои темные волосы за уши со смущенным видом. – Не волнуйся, я без проблем смогу найти дорогу домой.

Позже у ворот сада она даже пожалела о том, что он не может остаться с ней подольше.

– Можешь зайти, если хочешь.

– Нет, – сказал Дуги, глядя на дом. Миссис Латимер наблюдала за ними из окна наверху. – Боюсь, ей это не понравится, – добавил он, кивая в сторону окна на втором этаже. – Но все равно спасибо.

– Тебе спасибо... за коктейль.

– Мы можем еще раз увидеться? – спросил Дуги, когда Имоджен открыла ворота.

– Почему бы и нет? – ответила Имоджен, поворачиваясь к нему и пытаясь себе представить, каким бы мог быть поцелуй с ним. Они стояли и смотрели друг на друга, прекрасно осознавая, что миссис Латимер наблюдает за ними из своей спальни.

– Ну все... пока, – сказала Имоджен.

Подойдя к двери, она обернулась, чтобы помахать рукой, но увидела, что Дуги уже ушел. К своему удивлению, Имоджен испытала разочарование.

Близились Рождество, и в школе готовились к завершению семестра, рождественским службам и школьным вечерам. Имоджен и Дуги выкраивали время, чтобы выпить вме-

сте чай после школы или украдкой пообщаться в коридоре. Однажды, в самом конце семестра, когда Имоджен выходила из школы вместе с Джой, она увидела, что Дуги ждет ее у ворот.

– Ну, я пошла, – тихонько сказала Джой. – Увидимся завтра. Кстати, в какое время твой папа придет за нами?

– В час дня. Мы подвезем тебя...

Джой с неохотой пошла прочь, из ее ранца на плечах торчала клюшка для игры в лякросс. Дуги предложил понести ранец Имоджен.

– Спасибо, – поблагодарила она, взяв его за свободную руку.

– Так ты... завтра уезжаешь?

– Да. Отец заберет нас обоих.

– Так странно, что тебя забирают обратно в Ньюкасл... что они считают это безопасным.

– Да, знаю. Но главное – чтобы наша школа оставалась здесь. А если мы погибнем на каникулах, это не так уж и важно, – рассмеялась Имоджен, пытаясь разрядить обстановку.

– Не говори так! – воскликнул Дуги и схватил ее за обе руки. – Никогда так не говори!

– Я же просто пошутила, – нежно сказала Имоджен. – Уверена, что ничего подобного не случится. Мои родители были в Ньюкасле все это время, и они целы и невредимы. Странно, что мы здесь находимся.

Некоторое время они шли молча.

– Может, выпьем по чашке чая? – спросил Дуги, когда они проходили мимо маленького чайного магазина в центре города.

– Нет, я не могу, – ответила Имоджен. – Сегодня вечером мне нужно собрать вещи и упаковать пару подарков.

Остальную часть пути до дома Латимеров они снова шли молча, но это была приятная тишина. У ворот Дуги отдал Имоджен ее ранец и стал рыться в кармане пиджака своей школьной формы.

– У меня есть кое-что для тебя.

– Ой, это так мило, – покраснела Имоджен. – А я для тебя ничего не приготовила. Прости.

– Ничего страшного... разверни его.

Подарок был завернут в яркую зелено-красную бумагу. Внутри был снежный шар, который она видела в магазине в тот день, когда он отвел ее в молочный бар.

– Ой, Дуги, это так мило! Спасибо!

– Я помню, как ты трясла его, и подумал, что он тебе понравился.

– Так и есть. – Она потянулась к нему и слегка поцеловала в щеку. – Ты такой славный. Надеюсь, ты хорошо встретишь Рождество.

– И ты тоже, – сказал он.

– Ну что ж...

– Да... ты лучше иди.

– Конечно, – согласилась Имоджен, глядя на дом.

Мистер Латимер наблюдал за ними из окна гостиной.

– Кто это был? – спросил он, когда они с Имоджен встретились в прихожей.

– Просто знакомый мальчик, – ответила она.

– Приятный молодой человек, – улыбнулся мистер Латимер.

– Правда? Да, он очень милый. Он хороший, но... он мне просто друг.

– Тебе виднее, – сказал мистер Латимер.

* * *

На следующий день, едва успев собрать вещи, Имоджен услышала, как «Уолсли» отца затормозил перед домом Латимеров. Она сбежала по лестнице вниз, чтобы встретить его.

– Папа! – крикнула она и обняла отца за шею, едва тот вышел из автомобиля. – Так здорово, что ты приехал! Я так рада, что ты смог раздобыть достаточно бензина.

– Да, это было непросто, но все же я смог сюда добраться. А теперь не хочу сильно задерживаться – мы должны вернуться до наступления темноты, а путь через Пеннинские горы неблизкий.

– Конечно, папочка. Не надо так переживать. – Имоджен взяла его за руки, и они направились к дому. – Я обещала Джой подвезти ее... Надеюсь, ты не возражаешь?

– Конечно, нет, – ответил он. – А что насчет Хелен?

– Не надо. Завтра за ней придет мама.

Пока отец складывал ее вещи в багажник, Имоджен попрощалась с мистером и миссис Латимер.

– Надеюсь, вы хорошо встретите Рождество, – сказала она, вытаскивая маленький изящный сверток из кармана пальто и вручая его миссис Латимер. – Я купила вам небольшой сувенир.

– Ах... тебе не нужно было этого делать. Я открою твой подарок на Рождество, договорились?

Мистер Латимер заметил разочарование на лице Имоджен и слегка толкнул жену локтем:

– Открой сейчас, дорогая.

Внутри свертка из светло-розовой оберточной бумаги лежал маленький синий флакон с хрустальной пробкой.

– Надеюсь, вам понравится, – сказала Имоджен. – Они называются *Soir de Paris*⁴.

Миссис Латимер вытащила пробку и вылила пару капель себе на запястье.

– Какая прелесть, – тихо проговорила она, поднося запястье к носу. – *Soir de Paris* – звучит так романтично!

И тут глаза миссис Латимер наполнились слезами.

– Простите, – пробормотала Имоджен, – я не хотела...

– Что же, – вмешался отец, – нам пора ехать. Спасибо вам огромное за то, что присматривали за Имоджен.

– Не за что, – ответил мистер Латимер, – она не доставила

⁴ «Вечер в Париже» (фр.)

нам хлопот.

Джой села в машину в приподнятом расположении духа.

– Я так рада, что уезжаю от этой ужасной женщины! – выдохнула она, утопая в кожаном сиденье.

– Бедняжка Джой, – начала объяснять отцу Имоджен, – попала в самую ужасную семью. Мать семейства только и делала, что плакала о своих четырех старших сыновьях, которые ушли на фронт, и совсем не обращала внимания на четырех младших детей. А еще в доме было совсем мало еды, правда, Джой?

Та мрачно кивнула.

– Мне бы так хотелось помочь ей переехать в другой дом! – с мольбой в голосе сказала Имоджен.

– Но мы сейчас ничего не можем сделать, – ответил отец с водительского сиденья. – А теперь, девочки, устраивайтесь поудобнее и наслаждайтесь поездкой.

В Ньюкасле все были заняты приготовлением к Рождеству. В доме Митчеллов витали запахи корицы и мускатного ореха. Когда Имоджен с отцом вошли в прихожую, из кухни появилась мать, в фартуке и с руками в муке.

– Милая моя девочка! – воскликнула она, обнимая Имоджен. – Я так по тебе соскучилась!

– Я тоже по тебе скучала, – сказала Имоджен и расплакалась от радости, что она наконец-то дома. – Так вкусно пах-

нет, – добавила она, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

– Я сейчас как раз пеку рождественские пироги на случай, если кто-нибудь неожиданно заявится в гости. Нас пугают, что с нового года введут продуктовые карточки, поэтому я решила наготовить всего самого вкусного, пока есть такая возможность.

– Вы уже нарядили елку? – спросила Имоджен, осматривая прихожую.

– Нет, – ответила мать. – Я сказала папе, что мы подождем, пока ты вернешься домой. Знаю, как тебе нравится ее украшать. Она стоит в кадке в саду за домом.

Предшествующие Рождеству дни Имоджен провела в атмосфере беззаботности и много помогала матери на кухне. Роуз учила ее, как делать сладкую выпечку и готовить мясной пирог. Этот пирог потом завернули в вощеную бумагу и поставили на мраморную доску в кладовке рядом с большим гусем, которого Роуз купила на Рождество. Несмотря на войну, большинство людей не хотели лишать себя праздника. Роуз и Джо (так звали отца Имоджен) пригласили членов своих семей, чтобы отпраздновать Рождество вместе. В сочельник должны были приехать два брата Роуз и привезти с собой ватагу из полудюжины ребятишек. Имоджен была единственным ребенком в семье и обожала своих кузенов, поэтому считала дни до начала праздников.

– Мы должны сходить за покупками, – сказала однажды утром за завтраком Роуз. – Ты так сильно выросла, что те-

бе, похоже, совершенно нечего носить. Думаю, мы пойдем в «Фенуикс».

– Правда, мамочка? Ты уверена? Было бы замечательно!

В магазине они выбрали новую юбку, две блузки, белье и темно-зеленое шерстяное платье. Ничего подобного Имоджен еще не носила: платье облегалo фигуру и было очень взрослым – по крайней мере, ей так казалось.

– Можешь надеть его на вечер у Макмастерсов, – предложила мать.

– Они будут устраивать вечер? – спросила Имоджен.

– Да, за день до сочельника. Думаю, все их сыновья будут там.

Роуз обернулась и заметила, что на лице Имоджен появился легкий румянец.

В Кесуике Имоджен почти не думала о Фредди. Она убедила себя, что по сравнению с девчонками из университета выглядела для него еще ребенком, поэтому выбросила его из головы и сосредоточилась на уроках и свиданиях с Дуги. Но теперь, когда Имоджен стояла рядом с матерью в универмаге «Фенуикс», она отчетливо поняла, что красивый жизнерадостный Фредди привлекал ее как никогда прежде.

В день, когда был назначен праздничный прием, обещали снег, и в комнате Имоджен, несмотря на то что отец разжег камин, было холодно. Имоджен любовалась своим отражением в напольном зеркале с рамой из темного дуба. Она пришла к выводу, что новое зеленое платье было восхити-

тельным, но ее подстриженные до плеч волосы свисали по обе стороны от лица в форме сердечка и придавали ей детский вид. Имоджен вспомнила, как в журнале увидела фотографию Риты Хейворт, волосы которой были соблазнительно заколоты на макушке, поэтому она села за туалетный столик и заколола волосы точно так же. Намазав губы красной помадой, она подумала о том, какотреагирует Фредди, когда увидит ее. Удастся ли ей очаровать его? Возможно, они весь вечер будут разговаривать друг с другом, вспоминая о том, как играли в теннис, а на следующий день он пригласит ее на романтическую рождественскую прогулку...

– Имоджен, – слышался снизу голос матери, положивший конец ее романтическим фантазиям, – нам пора.

– Уже иду! – крикнула она в ответ.

Последний раз посмотрев на себя в зеркало, Имоджен быстро сбежала вниз по лестнице: ее зеленые глаза сверкали, а изумрудное платье подчеркивало все достоинства стройной фигуры.

Когда Митчеллы вошли в дом, вечер был уже в самом разгаре. Они оставили пальто на длинном диване в прихожей и проследовали в гостиную, где было полно гостей из соседних домов. Они пили херес, а в воздухе висел дым от сигар и сигарет, которые курили мужчины. Пока родители обменивались приветствиями с друзьями, Имоджен с надеждой осматривала зал в поисках Фредди. В руках у нее был бокал «дюбонне» с содовой – это был единственный напиток, кото-

рый позволил ей выпить отец. Она обрадовалась, когда Филипп Макмастерс, старший брат Фредди, тронул ее за плечо.

– Здравствуй, малышка, – поприветствовал он ее.

Имоджен не могла сказать, что ей понравилось такое обращение. Она понимала, что Филипп не хотел ее обидеть, но, услышав такое, почувствовала себя ребенком, а ведь сегодня в новом, облегающем фигуру платье она изо всех сил старалась выглядеть как можно элегантнее и взрослее.

– Здравствуй, Филипп. Как поживаешь? Ты чудесно выглядишь в военной форме.

– Спасибо, – сказал он с самоуверенным видом. – Ты тоже хорошо выглядишь... Мне кажется, или ты подросла?

Имоджен зарделась: слова Филиппа одновременно и польстили ей, и вызвали легкое раздражение.

– Ты приехал домой в отпуск? – спросила она, отчаянно стараясь вести разговор по-взрослому.

– Да, всего на несколько дней... В новом году меня ждет новое назначение.

– Что-нибудь интересное?

– Мне нельзя об этом говорить.

Имоджен вертела в пальцах бокал, обдумывая, что ей сказать дальше.

– А Фредди здесь?

– Нет, – прозвучал ответ. – Он сегодня уехал по делам в университетский полк.

Заметив разочарование на лице Имоджен, Филипп доба-

вил:

– Ты надеялась увидеться с ним?

– О... ну, знаешь, – сказала она равнодушным тоном, – мы просто давно с ним не виделись. Я думала, может, мы поиграем в теннис.

Учитывая, что, по прогнозам, скоро должен был пойти снег, ее последняя ремарка казалась абсурдной.

– А, да, теннис, – снисходительно улыбнулся Филипп. – Кажется, у вас тогда был легендарный матч. Фредди признался мне, что ты обыграла его с разгромным счетом.

– Правда? Так и сказал? Все было не так, просто я играла чуть лучше него.

– Ты молодец, – сказал Филипп и рассмеялся. – Сказать ему, что ты по нему скучаешь?

– О, не стоит, – ответила Имоджен, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно беззаботнее. – Думаю, я увижусь с ним в следующий раз.

Уже ночью, лежа в постели в своей детской пижаме, она с тоской вспоминала Фредди Макмастера, его взлохмаченные темные волосы и ясные серые глаза.

Когда после каникул они вернулись в школу, Имоджен рассказала Джой о своей безответной любви.

– Ох, Джой... как же это несправедливо! Он, наверное, самый красивый парень из всех, кого я встречала! Но теперь я его никогда больше не увижу. Ненавижу войну!

– Бедняжка Джинни. Судя по твоим словам, он просто мечта. Но он ведь старше тебя? А ты не думала, что... возможно, он уже завел себе девушку своего возраста?

– Даже не говори так! – оборвала подругу Имоджен. – У него никого нет. Мне казалось, что я ему нравлюсь... но, возможно, я все это время обманывала себя.

Имоджен была не из тех, кто предается отчаянию. Мучительная тревога из-за того, что Фредди мог найти себе более подходящую девушку, заставила ее оставить надежды на то, что когда-нибудь они будут вместе. В следующие месяцы, когда дни стали длиннее, а на смену холодной зиме пришла весна, она снова стала встречаться с Дуги. После школы они вместе ходили в горы и загорали на траве среди папоротников.

– Здесь так тихо и спокойно... Мы с тобой как будто единственные парень и девушка, оставшиеся на земле... как Адам и Ева, – сказала однажды днем с невинным видом Имоджен.

На Дуги была рубашка с закатанными рукавами, открывшими его сильные руки. Он перекатился на бок и посмотрел на нее.

– Адам и Ева? Так ты попытаешься соблазнить меня?

Имоджен рывком села, вся красная от смущения.

– Я не это имела в виду. Ой... да ты знаешь, что я хотела сказать. Здесь такая тишина и покой... и невозможно представить, что все эти мальчики вроде тебя сейчас сражаются

с Гитлером и его ужасной армией во Франции.

У нее на глаза навернулись слезы.

– Эй, – сказал Дуги, протянув руку и погладив Имоджен по спине, – не думай об этом, дорогуша. Я вот не думаю. Мы все равно ничего не можем сделать. Ложись.

Она легла, почувствовав, как солнце согревает ее тело. Дуги склонился над ней и нежно поцеловал в губы. Это был первый поцелуй в жизни Имоджен, и она удивилась тому, какими мягкими были у него губы.

– Это так мило, – проговорила она, глядя его по щеке.

– Тогда я повторю?

И когда он поцеловал ее, она забыла о Фредди, о своей тоске по дому и даже о войне. Она была обычной девчонкой, лежащей в объятиях своего молодого человека в лучах весеннего солнца.

Глава восьмая

Ферма Ферзехоф, май 1940 года

Петер пришел со двора и снял грязные сапоги на ступеньках у входа.

– Кете! – крикнул он. – Завтрак готов?

– Да! – послышался ответ из их спальни. – Уже иду.

В ожидании, когда придет жена, он сел за стол и начал вращать колесико настройки радиоприемника «фольксемфенгер», который стоял на кухонном буфете. Государство специально выпустило миллионы недорогих радиоприемников, чтобы жители Германии слушали национал-социалистическую пропаганду, которую передавали из Берлина по приказу Геббельса. Иностранные радиостанции были под запретом, за нарушение которого могли отправить в концентрационный лагерь на год и даже больше. Чтобы помешать распространению иностранных новостных сигналов, власти уничтожали радиопередатчики в Европе. Однако у «Би-би-си» была немецкоязычная служба, и передаваемые ею новости можно было слышать по всей Европе.

Когда Магда спускалась к завтраку, она слышала, как фрагменты различных радиопрограмм быстро сменяют друг друга. Отец крутил колесико: классическая музыка, женский голос, читающий стихи, странный свистящий звук – все они звучали на кухне и резко обрывались, пока наконец не заго-

ворил голос с английским акцентом:

Сегодня утром премьер-министр Невилл Чемберлен объявил о том, что он передает свои полномочия первому лорду адмиралтейства сэру Уинстону Черчиллю...

Сигнал пропал. Магда остановилась в дверях, наблюдая за тем, как отец прибавляет громкость.

Первые новости о вторжении Германии в Голландию, Бельгию и Люксембург достигли Лондона на рассвете...

– Папа... что ты слушаешь?

Петер поднес палец к губам.

– Тсс... Подойди сюда... Сигнал такой плохой, что я едва его слышу.

Магда стала внимательно слушать.

В официальном обращении к своим солдатам, воюющим на Западе, Гитлер сказал: «Пришел час решающей битвы за будущее германской нации». Судя по сообщениям, полученным из Голландии, немецкие войска перешли границу ночью. Голландцы уничтожили мосты через реки Маас и Эйсел, чтобы помешать продвижению немцев.

Петер посмотрел на дочь с удивлением:

– Ну? Что они говорят?

– Что-то по поводу войск, наших войск в Голландии... Голландцы взорвали мосты, чтобы остановить их.

Петер переключил радио на немецкую станцию. Знакомый напористый голос фюрера прогремел из приемника:

Битва, которая начинается сегодня, решит судьбу германской нации на следующее тысячелетие.

– Что тут у вас происходит? – спросила Кете, спускаясь по лестнице.

– Мы пытаемся слушать новости, – ответила Магда.

– Зачем? Что-то случилось? – В глазах матери появился страх.

– Наши войска вошли в Голландию, – сказала Магда.

Кете подошла к печке и стала бросать уголь в огонь, пока не освободила от него всю корзину. Затем она налила воду в чайник из грохочущего крана.

– Но мы ведь ничего здесь не можем поделаться, – сказала она, поставив чайник на печку, и взяла с подоконника корзину с яйцами.

– Как мне приготовить яйца?

Неожиданно в дверь постучали, и Петер быстро выключил радио.

– Открой, – шепотом сказал он Магде.

На пороге стоял Отто в форме участника гитлерюгенда.

– Привет, – с наигранной непринужденностью сказала

Магда, размышляя о том, как долго он простоял под дверью перед тем, как постучать.

– Я могу войти?

– Да, конечно, – ответила Магда, пропуская его.

Войдя в кухню, Отто тут же оказался в центре внимания. В своей как всегда безупречно отглаженной рубашке цвета хаки, темном галстуке и со светлыми волосами, которые были зачесаны назад, обнажая его высокий загорелый лоб, он был просто идеальным воплощением представителя гитлерюгенда.

– Мне показалось, я слышал голос фюрера, – сказал Отто, обводя взглядом комнату.

Магда покраснела.

– Ну да. Мы как раз слушали его по радио.

Отто перевел взгляд с Магды на ее отца.

– И о чем он говорил?

Магда опасалась, как бы отец не проговорился, не сказал нечто такое, что можно было услышать только на иностранных радиостанциях, и тут же вмешалась:

– Только то, что началась битва. Фюрер объявил, что она решит нашу судьбу на тысячу лет вперед... Это было так волнительно, правда, папа?

– Что ж... – проговорил Петер, вставая. – Я прошу прощения, но у меня дела.

Он подошел к двери, обернулся и многозначительно посмотрел на молодого человека.

– Хайль Гитлер, – сказал он, поднимая руку в знакомом салюте.

– Хайль Гитлер! – решительно ответил Отто, щелкнув каблуками.

Затем он взял стул и сел за стол. Кете, стоявшая позади молодого человека, удивленно приподняла брови и посмотрела на Магду, словно спрашивая: «Что он здесь делает?».

Магда едва заметно покачала головой.

– Отто, будешь завтракать? – спросила Кете.

– Да, спасибо, – ответил он.

Сердце у Магды упало, но она поднялась со стула и принялась накрывать стол на троих.

– Ты направлялся в школу? – поинтересовалась она, ставя перед ним тарелку и чашку. – Мне кажется, наш дом не совсем по пути.

– Да, я шел в школу, но решил заглянуть к тебе. – Он улыбнулся, но глаза остались холодными. – Я подумал, что мы можем пойти в школу вместе.

После завтрака Магда поднялась наверх, в свою комнату, и причесала волосы. Отец во дворе загонял коров на дойку. Магде показалось, что вид у него был немного встревоженный. Он ведь даже не позавтракал. Спустившись на кухню, она увидела Отто, который был готов сопровождать ее. Когда они пошли по тропинке, ведущей от фермы к дороге, Магда обернулась, чтобы помахать родителям рукой, и заметила,

что те с тревогой переглядываются.

– Так зачем ты пришел к нам сегодня? – спросила она Отто.

– Странный вопрос, – ответил он. – Я думал, что нравлюсь тебе... что мы с тобой друзья.

– Конечно, нравишься, – поспешила заверить его Магда, опасаясь, что он может расстроиться. – Но мне казалось, что Эрике ты еще больше нравишься.

Она попыталась рассмеяться, чтобы разрядить возникшее между ними напряжение.

– Да ладно, – отмахнулся Отто. – Эрика идиотка.

– Она наш лидер, – вступилась за нее Магда.

– Только потому, что смогла подлизаться к фрейлейн Мюллер. На самом деле лидером должны были назначить тебя, – робко взглянул он на Магду, с восхищением рассматривая ее золотистые волосы и чистую кожу.

Магда поняла, что Отто говорил искренне.

– О нет! – скромно ответила она. – Я не... – Магда осмотрелась по сторонам, пытаясь подобрать подходящие слова. – Я не совсем подхожу для этой роли.

– Почему? – спросил Отто. – Ты умная, у тебя светлые волосы... Ты настоящая арийка... и ты просто идеальная кандидатура!

Чтобы дойти из дома до школы, Магде нужно было пересечь большую дорогу, затем пройти через поле и лес на краю

деревни. Когда Магда была одна, последнюю часть пути она иногда бежала: ее пугали странные звуки, доносившиеся из-за высоких елей, казалось, что в лесу притаились демоны. Сейчас же, когда они вошли в темный лес, ее намного больше пугало то, что мог сделать с ней Отто в этом безлюдном месте.

– Идем, – сказала она и быстро зашагала вперед. – Мы же не хотим опоздать.

Отто схватил ее за руку, притянул к себе и яростно поцеловал в губы. Она отвернулась и попыталась высвободиться.

– Что ты делаешь? – спросила Магда, отступая назад.

– Как что? Целую тебя. Тебе что-то не нравится?

– Вообще-то я не твоя девушка.

– Но я хочу, чтобы ты ею стала. – Отто смотрел так пристально, словно хотел испепелить Магду взглядом.

– Ну... – пробормотала она, раздумывая над тем, как бы переубедить его и при этом не обидеть: – Я еще слишком юная, – сказала Магда наконец.

– Ты всего на год меня младше.

– Я же знаю тебя с самого раннего детства.

– А при чем здесь это?

Не в силах найти веский аргумент, Магда просто повернулась и пошла вперед, крикнув ему, не оборачиваясь:

– Ох, Отто... пойдем! Мы же не хотим опоздать.

Он с неохотой и угрюмым видом последовал за ней. Магда с облегчением вздохнула, когда навстречу им вышла пожи-

лая женщина с плетеной корзиной. Магда побежала и ненадолго остановилась, лишь когда добралась до опушки, где солнечные лучи проникали сквозь темные деревья. Затем она быстро пошла дальше и вскоре оказалась на окраине деревни. Магда миновала старый дом Кальманов и вышла на деревенскую площадь с ее многочисленными лавочками и магазинами. Лишь там она остановилась и дождалась Отто. Они молча прошли через площадь и направились по дорожке, ведущей в школу.

Когда Магда уже собиралась пройти через школьные ворота, он снова схватил ее за руку.

– Нет, Отто, только не здесь.

– Я все слышал, – сказал Отто. Он улыбался, но его глаза были холодными как ледышки. – Я знаю, вы слушали иностранную станцию.

– Ты ошибаешься, – быстро ответила Магда. Ее сердце учащенно забилося. – Папа искал немецкую станцию.

– Я мог бы донести на вас властям, – продолжал он. – Ты же знаешь, что бывает с теми, кто слушает иностранные новости?

– Отто... пожалуйста, не делай этого. Он же не специально.

– Ладно, посмотрим. Я ведь не хочу, чтобы у моей девушки были неприятности, правда ведь? – Он обвил рукой ее талию и привлек к себе.

Магда почувствовала его дыхание на своей щеке. Затем

Отто внезапно отпустил ее и ушел, а она осталась одна, тяжело дыша и чувствуя, как капли пота выступили у нее на лбу.

Глава девятая

Кесуик, май 1940 года

Однажды днем Имоджен, Хелен и Латимеры собрались около большого радиоприемника «бакелит» в гостиной дома на Мейнор-парк, чтобы послушать утренние новости.

Сегодня в парламенте Уинстон Черчилль выступил со своим первым обращением к палате общин в качестве премьер-министра. Он говорил о том, как важно создать правительство национального единства, и напомнил палате общин, что страна столкнулась с невероятно суровыми испытаниями и в ближайшие месяцы нас ждет еще много трудностей и страданий. Он сказал, что ему нечего предложить, «кроме крови, тяжелого труда, слез и пота...»

Латимеры сидели рядом на диване и держались за руки, чего прежде Имоджен за ними не замечала. Глядя на их встревоженные лица, она подумала, что, возможно, ее отец и мать сейчас точно так же сидят вместе и слушают этот невероятно важный выпуск новостей.

Внезапно миссис Латимер встала, прижала к губам носовой платок и выбежала из комнаты. Имоджен и Хелен переглянулись, а мистер Латимер пошел вслед за женой на кухню.

– Она волнуется за своих сыновей, – уверенно сказала Хе-

лен. — Я слышала, как вчера вечером она разговаривала по телефону со своей подругой. Оба парня сейчас в армии, и немцы здорово потеснили их.

— Какой ужас, — пробормотала Имоджен. — Бедняжка.

* * *

Всю следующую неделю миссис Латимер почти не выходила из комнаты. Она лишь ненадолго появлялась утром в своем шерстяном халате, брала на кухне чашку чая и снова удалялась к себе, где проводила остаток дня. Имоджен и Хелен старались помогать мистеру Латимеру, когда возвращались из школы, но обстановка в доме все равно была напряженной. Хотя Имоджен была еще очень юной, она прекрасно понимала, как мучительно для матери не знать, что сейчас происходит с ее детьми, жизнь которых каждый день подвергается опасности. Она часто рассматривала фотографию сыновей Латимеров — Джеймса и Артура, — на которой они, в вельветовых бриджах, походных ботинках и свитерах с исландскими узорами, стояли на вершине Скиддоу, освещенной лучами солнца. Имоджен ловила себя на мысли, что при других обстоятельствах могла бы влюбиться в одного из них. Но теперь она понимала, что может никогда даже не увидеться с ними, если их убьют на этой ужасной войне, и тогда миссис Латимер больше уже не выйдет из своей комнаты.

Несколько дней спустя Имоджен вернулась домой из школы и увидела, что мистер Латимер опять слушает радио в гостиной.

– Послушай, – сказал он, прикладывая палец к губам, – это выступает премьер-министр...

...Во Франции и Фландрии разгорается ужасающая битва. Благодаря массированной воздушной бомбардировке и тяжёлым бронированным танкам немецкие войска смогли прорвать оборону французов...

– О боже, – сказала Имоджен со слезами на глазах, – и ваши чудесные мальчики...

– Да, знаю, девочка... но давай послушаем Черчилля.

...Бок о бок британцы и французы продвигаются вперед, спасая не только Европу, но и все человечество от самой отвратительной и пагубной тирании, которая только оскверняла страницы истории. За ними... за нами, за армиями и флотом Британии и Франции, собираются разгромленные государства и потерпевшие тяжёлое поражение народы: чехи, поляки, норвежцы, датчане, голландцы и бельгийцы, на чьи земли опустилась долгая ночь варварства, которую уже не осветит ни одна звезда надежды, если только мы не одержим победы. Мы должны победить, а значит, победа будет за нами.

Эти слова были написаны столетия назад, и они долж-

ны служить призывом и стимулом для верных слуг правды и справедливости: «Вооружитесь и будьте мужественны и готовы к сражению, ибо лучше мы погибнем в бою, чем увидим, как погубят наш народ и наши святыни. Такова воля Господа на небесах, и да будет так»⁵.

– Аминь, – сказал мистер Латимер, и слезы покатались по его щекам.

На следующей неделе Имоджен получила посылку от матери. Ее принесли в дом, когда она уже собиралась идти в школу. Она тут же поднялась наверх и открыла ее: там были новое летнее платье из бледно-зеленого хлопка с мелким цветочным рисунком, кремовая шелковая блузка, а также письмо от матери. В это время Хелен чистила зубы в ванной. Она вошла в комнату в тот самый момент, когда Имоджен вешала новую одежду на дверь их гардероба.

– Ух ты... новая одежда! Тебе везет, – мрачно сказала Хелен.

– Верно, – согласилась Имоджен. – Мне повезло, но я сильно выросла, и все мои вещи стали мне коротки. Ты заметила, что платье немного длинновато? Но, с другой стороны, я ведь могу его подшить, правда?

Хелен пожала плечами и стала надевать школьную форму. Она и не думала восхищаться новыми нарядами сосед-

⁵ Ветхий Завет. Первая книга Маккавейская. Глава 3. Стихи 58–60.

ки, и Имоджен не могла ее в этом винить. Радоваться такому пустяку, как новое платье, когда в сотнях миль отсюда гибнут молодые люди, — в этом было что-то неправильное. И все равно, несмотря ни на что, Имоджен испытывала радость.

После школы она пошла прогуляться с Джой по городу и стала рассказывать ей про новые вещи.

— Платье такое красивое, хотя я не знаю, когда смогу его надеть. Мне нужны новые туфельки... Я попросила маму прислать мне немного денег, чтобы купить их, но, похоже, она не поняла моего намека.

— Ох, Джинни, — сказала внезапно Джой, — может, хватит говорить про одежду? Я давно уже хочу с тобой кое-чем поделиться.

Имоджен посмотрела на подругу и с удивлением заметила, что глаза у той были на мокром месте.

— Джой... что с тобой случилось?

— Джинни, я не могу больше оставаться в этом доме. Нужно что-то с этим делать. Мы можем жить вместе?

— Ты же знаешь, я бы с радостью. Но пока что я вынуждена оставаться с Хелен, а бедная миссис Латимер... она замечательная, но так переживает из-за своих сыновей, что я не хочу доставлять ей лишние хлопоты.

— Я понимаю, — сказала Джой, высмаркиваясь. — Миссис Латимер не позавидуешь. Я, наверное, слишком эгоистичная.

— Ты не эгоистичная, просто я сама сейчас в раздрае, на-

деюсь, ты меня понимаешь.

– Конечно, понимаю. Я просто подумала, что если мы поговорим с нашими родителями, может, они подыщут для нас еще что-нибудь? Чтобы мы были вместе?

– Знаешь что... Если с сыновьями миссис Латимер все будет хорошо, я обещаю, что поговорю об этом с мамой.

Когда Имоджен вернулась в дом на Мейнор-парк и вошла в холл, она услышала, что на кухне кто-то есть.

– Имоджен, это ты? – послышался голос мистера Латимера.

– Да, мистер Латимер...

– Ты не могла бы подойти сюда, пожалуйста?

Имоджен повесила пальто и ранец на перила лестницы и прошла на кухню, располагавшуюся в глубине дома.

– Ты мне не поможешь? – попросил мистер Латимер. – Я просто не знаю, что мне делать: никогда еще не готовил тушенку, но у нас, похоже, ничего больше нет.

Он открыл кухонный шкаф и показал пустые полки. Имоджен с некоторым сомнением посмотрела на маленькую консервную банку овальной формы, которая стояла на пластмассовой столешнице.

– Если честно, – сказала она, – я тоже никогда ее не готовила, но, думаю, это несложно, правда ведь? Мы можем пожарить ее... разделив на кусочки и добавив помидоры. Что вы на это скажете?

Вместе они приготовили чай, а потом пошли в гостиную

слушать новости. Миссис Латимер оставалась в своей комнате – ей были невыносимы любые упоминания о том, что происходит в Северной Франции.

Когда выпуск новостей закончился, Имоджен предложила мистеру Латимеру отнести чашку чая миссис Латимер.

– Все равно ужина у нас сегодня не будет, – сказала она ему, – а мне нужно подняться наверх и написать ответ на мамино письмо, поблагодарить ее за одежду, которую она мне прислала.

Сидя в своей комнате за столом у окна, из которого открывался вид на горы, Имоджен не сводила взгляда с чистого листа бумаги. В руке у нее была ручка, и она размышляла над тем, что ей написать. Следовало поблагодарить маму за одежду, но, разумеется, это было далеко не все, что она хотела сказать.

Стоит ли упомянуть о затруднительном положении, в котором оказалась Джой? Но чем бы ей могла помочь мама Имоджен, находившаяся в Ньюкасле? Имоджен подумала, что стоит рассказать матери о своем новом друге, Дуги. Однако затем ей показалось это не совсем уместным, ведь ситуация с войной только ухудшалась. К тому же мама могла не одобрить ее знакомства с местным мальчиком – иногда она вела себя так странно. «У меня нет предрассудков, – любила говорить Роуз, – но я не ко всем бываю лояльной». В своем письме мама упомянула о том, что они покрасили кухню, чем немного удивила Имоджен: ведь их дом могли разбом-

бить в любой момент. Неожиданно она почувствовала сильную тоску по дому. Имоджен представила, как мама выбирала цвет краски... Будь она дома, Роуз обязательно спросила бы у нее совета. «Ты хорошо чувствуешь цвет, – часто говорила она Имоджен. – Как думаешь, какой мне выбрать?» Глаза Имоджен наполнились слезами, а горло сдавило – так бывало всегда, когда она собиралась расплакаться. Она сглотнула и подумала о сыновьях Латимеров и других молодых людях, оказавшихся в непростой ситуации по другую сторону Ла-Манша, и начала писать.

22 мая 1940 года

Дорогие мама и папа!

Какие ужасные новости! Что случилось с британской и французской армиями? Почему они не могут остановить это кошмарное наступление?

Сегодня в новостях сказали, что фрицы всего в четырнадцать миль от Ла-Манша! Что это означает? Союзники готовят для них ловушку или нас ждет безнадежное поражение? Сможет ли флот, в случае если все французские граждане будут эвакуированы, а немцы захватят порты в Ла-Манше, разбомбить их?

Говорят, что Бог защищает правое дело, но так ли это? Поможет ли он в этот раз? Сегодня я не испытываю особого оптимизма на этот счет.

Да! Мамочка, платье и блузка хорошо подошли, спасибо тебе большое, но мне нужно будет подкоротить подол платья.

В какой цвет вы покрасили кухню? Не в тот же самый? Да и какой смысл было ее красить, если Гитлер вот-вот захватит нас?

Сегодня не такой теплый день, как предыдущие, но все же отличный.

Ладно, мне нужно делать уроки, поэтому пора прощаться.

С любовью, Имоджен

Р. S. Миссис Латимер очень переживает за своих сыновей, которые сейчас в Северной Франции. Она почти ничего не покупает, и я все время хожу голодная. Можешь выслать мне немного денег, чтобы я купила себе еды?

Р. Р. S. Если они вторгнутся в Британию, я вернусь домой!

Несмотря на ужасные новости из Франции, Имоджен старалась не показывать своих переживаний. На свиданиях с Дуги, которые бывали почти каждый день, она держалась с нарочитой веселостью. Они ходили в кино и чайные магазины, гуляли по горам или вокруг озера, держались за руки и целовались. По ночам она думала о нем: о том, как его мягкая кожа касалась ее лица, как его светлая челка щекотала ей лоб, когда он целовал ее. Иногда, разбирая свой ранец в конце дня, Имоджен находила маленькие записки от Дуги – вероятно, он клал их туда, когда они бывали вместе.

Однажды днем в конце мая, когда Дуги провожал ее, они

остановились за несколько домов от ее дома и целовались, надеясь, что никто их не увидит.

– Дуги... я должна идти. Миссис Латимер нужна моя помощь.

– Останься еще ненадолго, – взмолился он, глядя ее по шее.

– Нет, – твердо сказала Имоджен. – Увидимся завтра. Спокойной ночи!

Войдя в кухню, она увидела, что мистер Латимер сидит за маленьким кухонным столом и опять слушает новости. Он заметил Имоджен и махнул ей рукой.

– Послушай... – это было все, что он сказал.

Хелен спустилась вниз и открыла рот, чтобы сказать что-то, но Имоджен приложила палец к губам и показала на радиоприемник.

Сегодня был объявлен дополнительный призыв. Адмиралтейству нужны люди, разбирающиеся в двигателях внутреннего сгорания кораблей или служившие машинистами на яхтах или моторных судах. Также в качестве помощников требуются лица, имеющие опыт управления моторными судами и хорошо разбирающиеся в прибрежном судоходстве. Заявки можно будет подать в ближайший пункт призыва, обратиться в резерв ВМС или к сотрудникам рыбного хозяйства.

Когда выпуск новостей закончился, мистер Латимер еще сидел какое-то время, уставившись в пустоту. Имоджен включила свет и заглянула в кухонный шкаф в поисках чего-нибудь съестного.

— Что это значит? — спросила она. — Зачем им понадобились новобранцы?

— Чтобы вытащить наших мальчиков, — сказал мистер Латимер. — Они оказались в ловушке на побережье Дюнкерка. Тысячи таких, как они, находятся сейчас под обстрелами люфтваффе, как подсадные утки. Сотни... уже погибли. Флот не может их всех спасти, поэтому они попросили прислать на помощь маленькие суда. Господи, я бы сам туда отправился, если бы мог! — с этими словами мистер Латимер обхватил голову руками.

— Ох, — вздохнула Имоджен, с тревогой посмотрев на Хелен, — миссис Латимер знает?

— Нет... слава богу. Она не слушает радио. И так даже лучше.

— Чем мы можем помочь? — вежливо спросила Хелен.

— Ничем, девочки... не переживайте.

— Мы могли бы приготовить ужин, — бодрым голосом предложила Имоджен. — Нам нужно поесть.

— Простите... но сегодня я не ходил в магазин. Слишком переживал из-за всего этого.

— Я уверена, что мы здесь что-нибудь найдем, — с оптимизмом заявила Имоджен.

Девочки обследовали содержимое кладовки Латимеров.

– Так, – сказала Имоджен, – здесь есть джем, мука, маленький кусок сыра и горбушка хлеба. Из всего этого можно что-нибудь приготовить.

– У меня нет яиц. Мы уже израсходовали весь наш недельный паек.

– Значит, тосты с сыром? – спросила Имоджен. – И пудинг с большой ложкой джема...

* * *

Тем же вечером, когда девочки уже легли спать с урчащими животами, они слышали всхлипывания миссис Латимер, напоминающие детский плач, прерываемый тихим и мягким голосом ее мужа, который пытался успокоить супругу.

– Бедная миссис Л., – сказала Хелен. – Как думаешь, с ее сыновьями все будет хорошо?

– Я надеюсь, – ответила Имоджен. – Очень надеюсь. Меня пугает одна мысль о том, что с ними что-то случится. Боюсь, она этого не переживет.

Глава десятая

Ферма Ферзехоф, июнь 1940 года

Магда стояла в ванной, держа в руке ножницы. На следующий день ей должно было исполниться четырнадцать лет, и в этом возрасте ей предстояло перейти в юношескую группу Союза немецких девушек. Но этот день был важным еще по одной причине. 22 июня фюрер собирался подписать договор о прекращении военных действий с Францией, согласно которому Германия получала контроль над Северной и Восточной Францией. Немецкие войска уже прибыли в Париж, а немецкие танки свободно ехали по Елисейским Полям в сторону площади Согласия.

Местная группа гитлерюгенда планировала отметить в эти выходные поражение британцев при Дюнкерке, капитуляцию Франции и заключение перемирия. Тысячи солдат союзников были убиты на побережье Северной Франции, хотя гораздо больше солдат удалось вывезти на кораблях и маленьких судах и доставить обратно в Англию. В высших эшелонах вооруженных сил Германии считали большой ошибкой то, что столь многим вражеским солдатам удалось спастись, однако в городах и деревнях по всей стране пропагандистская машина убеждала людей, что это была величайшая победа и начало конца для врагов. На прошлой неделе на собрании Союза немецких девушек обсуждались пригото-

ления к уличному празднику по случаю этой победы, а их лидер фрейлейн Мюллер с восторгом поздравляла девочек, цитируя речь фюрера, которую он произнес по завершении сражения.

– «Солдаты западного фронта, – говорила фрейлейн Мюллер с сияющим лицом, – Дюнкерк пал... и так закончилась величайшая битва в истории. Солдаты! Моя вера в вас безгранична. Вы не разочаровали меня».

Участницы союза отреагировали на эти слова радостными приветствиями. У некоторых на глазах были слезы.

– Мы устроим самый чудесный праздник! Я хочу, чтобы каждая из вас испекла пирог и продемонстрировала свое кулинарное мастерство, – продолжала фрейлейн Мюллер, проходя мимо строя девушек. Она остановилась напротив Магды. – И особенно это касается тебя, Магда Майер. На следующей неделе тебе исполнится четырнадцать лет. И произойдет это в тот самый день, когда фюрер будет подписывать договор. В такой воистину счастливый день я ожидаю от тебя особого угощения. Не разочаруй меня.

Вечером Магда просила мать избавить ее от этой пытки:

– Мамочка, пожалуйста, испеки пирог вместо меня! Ты же знаешь, как ужасно я готовлю...

Теперь, стоя перед зеркалом, Магда посмотрела на свои длинные светлые косички – именно такую прическу полагалось носить участницам союза, – а затем чиркнула по ним

ножницами, обрезав их на уровне подбородка. Ощущение вызова и свободы, которое породил этот поступок, было чем-то незабываемым. Она потрясла головой, взъерошив волосы, подобрала с пола косички и унесла их в свою комнату, где спрятала в нижнем ящике комода.

Внизу на кухне мама вынимала из печки яблочный пирог. Когда Магда спустилась к ней, Кете повернулась, держа в руках пирог, и удивленно вскрикнула:

– Бог мой, Магда! Что ты наделала?!

– Отрезала волосы, – сказала Магда, усаживаясь за стол. – А в чем дело?

– Но, *Liebling*, девочки не должны... ты была такой милой с...

Кете осеклась на полуслове.

– Девочки не должны носить короткие волосы? – с вызовом в голосе спросила Магда. – А я буду. Мне так нравится. Ты можешь подровнять их?

Мать поставила пирог на подставку и взяла у дочери ножницы.

– Ну хорошо. Так твои волосы хотя бы будут выглядеть аккуратно.

Пока запах яблочного пирога распространялся по всему дому, Кете с волнением подрезала дочери волосы.

– Я испекла для тебя пирог, – сказала она.

– Спасибо, мамочка... пахнет очень вкусно.

– Надеюсь, он им понравится.

– А я надеюсь, что они им подавятся, – мрачно заявила Магда. – Не понимаю, что там праздновать.

– Меня волнует только то, – проговорила Кете, подстригая волосы дочери, – что ты ведешь себя не так, как все. Все люди вокруг празднуют нашу победу над британцами при Дюнкерке и поражение Франции. Если ты не будешь радоваться вместе с ними, это заметят.

– Как я могу праздновать гибель стольких солдат на побережье? Фрейлейн Мюллер рассказала нам об этом, и ее радость вызвала у меня отвращение.

– Это все твой брат виноват. – Кете смахнула обстриженные волосы с белой шеи дочери. – Если бы он не написал тебе то письмо, ты радовалась бы вместе с остальными. Он втянул тебя в то, к чему ты не имеешь отношения. Он уже взрослый и может сам принимать решения, а ты еще ребенок.

– Я не ребенок, – упрямо возразила Магда и провела пальцами по своей новой прическе. – Я молодая женщина, у меня есть глаза и уши, и я могу отличить правду ото лжи.

– Что ж, – сказала Кете и принялась сметать обрезанные волосы, – я только надеюсь, что люди не огорчатся, когда увидят, что у тебя теперь короткие волосы.

* * *

Тем утром в школе новая прическа Магды, разумеется, вызвала всеобщее волнение.

– Магда Майер! Я еле узнал тебя! – с хмурым видом сказал ее учитель герр Шмидт. – Ты остригла волосы потому, что у тебя завелись вши?

– Нет, – возмущенно ответила Магда. – Мне просто надоели косички.

– Ясно, – сурово проговорил герр Шмидт. – Ну, тогда садись. Думаю, со временем волосы отрастут.

Позже, в перерыве между уроками, несколько девочек подошли к Магде и восхитились ее короткими волосами.

– Я сама хочу такую прическу, – сказала Эрика. – Но мама не разрешит. Она говорит, что длинные волосы – признак настоящей женщины.

– А я не хочу быть настоящей женщиной, – тут же ответила Магда. – Я хочу быть собой.

Отто вернулся в школу после обеда и подскочил к ней сзади.

– Магда! – окликнул он ее. – Я тебя везде искал.

– Вот ты меня и нашел, – ответила она.

– Почему ты отрезала свои прекрасные волосы? – Он дотронулся до ее коротких золотистых локонов. – Мне они так нравились.

– А мне – нет, – сказала Магда и отстранилась от его руки. – Они меня раздражали. Это так странно, когда все выглядят одинаково. А я не такая, как все. Я – индивидуальность.

Магда знала, что говорит провокационные вещи. Инди-

видуальность не особо поощрялась, но она не могла подавить обуявший ее дух противоречия. Она знала, что бросает вызов учителям и сверстникам, и ей это очень нравилось. Это было внешним проявлением ее протеста, и она могла демонстрировать его окружающим людям, которых презирала всем сердцем. Отто покраснел от... Магда не могла сказать точно, отчего, может быть, от гнева. По крайней мере, гнев был той эмоцией, которой он слишком часто давал волю.

Днем ранее Отто перед всем классом стал критиковать учителя за то, что тот перед занятиями не салютовал фюреру. Остальные ребята восхищенно подхихикивали, а учитель, как показалось Магде, выглядел по-настоящему испуганным, как будто этот мальчишка был в силах уничтожить его.

После того как Отто выбрали лидером местного гитлерюгенда, он стал невероятно заносчивым. Недавно он вступил в элитный отряд гитлерюгенда под названием «Патрульная служба гитлерюгенда». Это давало ему возможность по достижении определенного возраста пройти подготовку и стать офицером СС.

– Надеюсь, они скоро отрастут, – сказал Отто, – с ними ты симпатичнее.

После занятий ребята собрались на деревенской площади, чтобы подготовить столы к празднику, который должны были провести на следующий день.

– Все девочки принесут пироги и печенье, – сказала фрей-

лейн Мюллер. – Эрика, составь список и напиши, кто что принесет. Мальчики во главе с Отто продемонстрируют свои навыки стрельбы. Отто, ты должен установить мишени в центре площади.

– Магда, что ты принесешь? – спросила Эрика.

– Яблочный пирог, – ответила Магда, вспомнив о пироге, который мать испекла утром.

– Это просто замечательно! – удивленно воскликнула Эрика. – А я думала, ты не любишь готовить.

– Так и есть, – дерзко заявила Магда. – Его приготовила мама.

Эрика посмотрела на нее с осуждением.

– Ты должна научиться готовить, – сказала она. – Это твой долг как немецкой женщины.

Магда хотела крикнуть Эрике: «Мой долг – сражаться с людьми вроде тебя!» – но неожиданно промолчала.

Прежде чем встреча закончилась, Отто обратился ко всем собравшимся.

– Завтра, – начал он, – мы будем праздновать подписание величайшего договора в нашей истории – договора о капитуляции Франции!

Молодые люди ответили радостными возгласами и затопали ногами. Отто поднял вверх руку.

– А теперь мы помолимся, – сказал он.

Фюрер, мой фюрер, тебя дал нам Бог.

Защити и сохрани мою жизнь.

Ты спас Германию в тяжелый час.

Я благодарю тебя за хлеб, что вкушаю каждый день.

Оставайся со мной как можно дольше.

Не покидай меня, фюрер, мой фюрер.

Ты моя вера, мой свет. Да здравствует мой фюрер!

Остальные дети повторили последнюю фразу: «Да здравствует мой фюрер!», но Магда, пришедшая в ужас от обожествления Гитлера, с мрачным видом промолчала.

Вернувшись домой, она в ярости швырнула свой школьный ранец в угол кухни.

– Магда, – воскликнула мать, – что же такое случилось?

– Они возносят ему молитвы, как будто он сам Бог!

– Кому? Кто Бог?

– Гитлер, разумеется. Отто и его дружки обращаются к нему с молитвой. Это ужасно.

Магда сердито затопала по лестнице, и Кете услышала, как она громко хлопнула дверью своей комнаты; поднялась вслед за ней и тихо постучала в дверь.

– Магда... mein Schatz!⁶

– Оставь меня одну! – крикнула Магда, и в ее голосе мать услышала рыдания.

– Я должна сказать тебе нечто важное.

Ей никто не ответил.

⁶ Сокровище мое! (нем.)

– Магда, сегодня я получила письмо от Карла.

Магда распахнула дверь.

– Почему ты сразу не сказала?

– Ты не дала мне такой возможности.

– Он пишет, что не сможет вернуться, – сказала Магда, пробегая глазами письмо. – Говорит, что его интернировали.

– Знаю, – Кете промокнула глаза краем передника. – Неужели его арестовали?

– Ничего не могу сказать, – ответила Магда. – Может, и так. Он пишет, что профессор в университете был добр к нему и замолвил за него словечко перед властями, – она с надеждой посмотрела на мать, – говорит, что этот человек пытается помочь ему и, возможно, он будет помогать в работе на его ферме.

– Это так странно, – сказала Кете, – все эти годы Карл терпеть не мог работать на ферме, а теперь его заставляют этим заниматься.

– Но это лучше, чем воевать, – заметила Магда, отдавая матери письмо.

– Да, наверное, – согласилась та, продолжая всхлипывать.

– Теперь ты можешь сказать, что он тоже «выполнил свой долг», – сказала Магда. – Все равно он сейчас в тюрьме.

Кете расплакалась.

– Да. Да, верно... конечно... Но главное – мы знаем, что в данный момент ему ничто не угрожает.

Когда Петер вернулся после дойки коров, он прочитал

письмо сына со слезами на глазах.

– Слава богу, что его здесь нет, – сказал он и отложил в сторону письмо.

– Может, теперь, – предположила Кете, – война скоро закончится? Французы ведь уже сдались, правда?

– Хм, – сказал Петер, – да, но остаются еще британцы. Они могут дольше продержаться.

– Но ведь мы уже заняли Париж?

– Даже не знаю. Говорят, что все закончится через несколько месяцев, но я в это не особо верю.

Ночью, лежа в кровати, Магда мрачно обдумывала предстоящие «празднества» и перечитывала первое письмо от Карла. В какой-то мере этот тонкий, почти прозрачный лист бумаги стал для нее единственным сосредоточением истины в ее мире – мире, где царили ложь, обман и жестокость. Конечно, на ферме она чувствовала себя достаточно защищенной. Магда жила с родными в сельской местности, казавшейся тихой гаванью в сравнении с ужасами войны. Ежедневная фермерская рутина успокаивала и дарила ощущение безопасности, пусть и очень поверхностное. Стук копыт коров во дворе, которых дважды в день вели на дойку; отец, выводящий лошадей вспахивать поле или направляющийся косить либо собирать урожай; мать, сбивающая на кухне масло или делающая сыр, чтобы потом продать его на рынке; ряды банок с вареньем и засоленными овощами в кладовке; тушеная крольчатина и румяный, только что зажаренный

цыпленок, подаваемый матерью за ужином... Магда спала в чистой постели, пила теплое молоко и хорошо питалась. Но по ночам, снова и снова перечитывая письмо Карла, она понимала, что эта уютная деревенская жизнь была лишь иллюзией. За этим покровом защищенности целому поколению внушали, что Адольф Гитлер – бог, что каждое его заявление является непреложной истиной, хотя на самом деле истина заключалась в том, что на войне гибли тысячи человек. Немецких граждан лишали свободы или даже жизни только потому, что они были евреями или вера в истинного Бога не позволяла им проникнуться теми идеями, которые нацисты навязывали всем. В своем письме Карл показал ей правду. И теперь пришло время ей, Магде Майер, присоединиться к этой борьбе. В конце концов, ведь именно этим и занимался Карл.

Глава одиннадцатая

Кесуик, июнь 1940 года

Дорогие мама и папа!

От одной из наших учительниц – миссис Бернетт, – которая недавно приехала из Ньюкасла, я слышала, что ночью немецкие самолеты летали над городом, однако не причинили ему вреда. Она выглянула в окно и увидела их в свете прожекторов! Миссис Бернетт сказала, что на третьем сигнале тревоги она попыталась разбудить своего мужа Роджера, чтобы уйти с ним в бомбоубежище, но в ответ получила лишь: «Пусть прилетают! Я останусь здесь, даже если меня разбомбят!». Правда это так странно? Но я не понимаю, почему эти самолеты не были сбиты? Все это говорит не в пользу нашей зенитной артиллерии. Но на улице было влажно, целый день шел дождь. Возможно, именно дождь и помешал нацистам.

Мне кажется, что подписание «мира» в том же месте, что и в 1918 году, – это просто отвратительно! Бедные французы! Что вообще происходит?! Напиши, что ты думаешь, ведь мнение ребенка о данной ситуации может быть неправильным.

Наверное, в последние ночи вы мало спите. Надеюсь, папе не стало хуже с его несварением желудка.

С любовью, Имоджен

Имоджен писала адрес на конверте, когда услышала, как в прихожей настойчиво зазвонил звонок. А еще через минуту до нее донесся животный вопль, напомнивший ей вой лисы, попавшейся в капкан браконьера.

Она отложила письмо и сбегала вниз по лестнице, где обнаружила миссис Латимер, сидевшую на корточках на полу. Рядом с ней лежала телеграмма, а на пороге стоял растерянный почтальон.

– Простите, – сказал он тихо. – Мне так жаль...

– Вы ни в чем не виноваты. Спасибо, – ответила Имоджен, кивнула ему на прощание и закрыла дверь.

Мистер Латимер был в саду. Он услышал шум и поспешил по тропинке, ведущей к дому.

– Мойра, Мойра... в чем дело? – спросил он, опускаясь на колени рядом с женой.

Имоджен отдала ему телеграмму.

– Ублюдки, – прорычал мистер Латимер, читая телеграмму. – Проклятые кровожадные ублюдки!

Имоджен стояла, не в силах сдвинуться с места. Она никогда не слышала, чтобы при ней так ругались. И это было так непохоже на тихого и любезного мистера Латимера.

– Наш Артур, – произнес он, поднимая к ней голову, и его лицо было все в слезах. – Его убили в Дюнкерке... Их загнали в ловушку, как крыс!

Мистер Латимер встал, положил телеграмму на столик в прихожей, помог жене подняться и повел ее в гостиную.

– Мне очень, очень жаль, мистер Латимер, – сказала Имоджен им вслед.

На следующий день в школе их с Хелен пригласили в кабинет директрисы.

– А, девочки, хорошо, что вы пришли. Присаживайтесь. Вы, конечно, знаете, что Латимеры получили ужасные новости.

Имоджен и Хелен опустили головы и посмотрели на свои туфельки, на глаза обеим навернулись слезы.

– Бедная миссис Латимер, – пробормотала Имоджен. – Она начала плакать, как только получила известие, и с тех пор не прекращает.

– И похоже, речь идет не только об их старшем сыне... не могу вспомнить, как его звали... – Директриса стала листать лежавшие на столе бумаги в поисках информации.

– Артур, – подсказала Имоджен.

– Да, Артур... Речь идет не только о его трагической гибели. Их младший сын Джеймс был ранен. Ничего серьезного, однако после госпиталя его отправят домой восстанавливать силы, и, как вы понимаете, ему понадобится ваша комната.

– О да, конечно, – сказала Имоджен и посмотрела на Хелен.

– Так что нам придется подыскать вам новое жилье. Он приедет не раньше, чем через две недели, и я спросила, можете ли вы остаться у Латимеров на это время, но семестр

скоро заканчивается, и я хочу, чтобы вы знали: по возвращении в сентябре вы уже будете жить в другом месте. Если нам придется переселить вас раньше, я найду для вас что-нибудь временное. Хорошо, теперь можете идти.

Девочки прошли через кабинет директрисы и уже открыли тяжелую дубовую дверь, чтобы выйти, когда она их окликнула:

– Да, и еще... девочки... не думаю, что стоит об этом говорить, но постарайтесь помогать Латимерам с готовкой, уборкой и со всем остальным.

Через десять дней родители приехали за Имоджен, чтобы забрать ее. Несмотря на недавнюю серию бомбардировок Ньюкасла, школа закрывалась на летние каникулы, и большинство детей отправлялись домой. Мать Имоджен взяла на себя уборку в комнате, которую ее дочь делила с Хелен, чтобы не доставлять миссис Латимер лишних трудностей.

– Я не хочу, чтобы после вашего отъезда ей пришлось здесь что-то делать. Имоджен, принеси из чулана метлу, тряпку и немного мастики для пола. И сними с кровати простынь, а с подушки – наволочку... Вот так, молодец.

Сняв с кровати белье, Имоджен сложила его в мешок и вышла на лестницу. Она заметила, что к дому подъехала машина скорой помощи. Два санитары открыли заднюю дверь и помогли молодому человеку выйти из машины. Мимо Имоджен прошел отец с ее чемоданами.

– Пойдем, Джинни, откроешь мне входную дверь.

– Хорошо, папа. Кажется, сын Латимеров только что вернулся домой.

Пока отец шел по тропинке через сад к своей машине, Имоджен наблюдала за тем, как молодого человека осторожно усадили в кресло-каталку. На вид ему было не больше девятнадцати: рыжеволосый, со светло-голубыми глазами и красивыми пухлыми губами.

– Привет, – сказал он Имоджен с легким акцентом, свойственным жителям Озерного края, чем напомнил ей Дуги.

– Привет, – ответила она, подходя к нему. – Ты, наверное, Джимми? То есть, прости, Джеймс?

– Можно и Джимми, – улыбнулся он. – Да, это я. А ты?

– Имоджен. Я с сентября жила здесь с другой девочкой из школы. Тут очень мило, и твои родители такие добрые. Но сегодня мы уезжаем. Мне было так грустно узнать про...

– Артура. Понимаю. Сам не могу в это поверить. Мы оба оказались в ловушке на том чертовом побережье. Кто бы мог подумать...

– Прости, приятель, – сказал санитар, – но мы должны отвезти тебя в дом.

В этот момент из дверей вышел мистер Латимер. Он быстро прошел по тропинке через сад и остановился перед сыном, оглядел его с головы до ног, словно все еще не мог поверить, что он здесь, затем присел на корточки и обнял Джеймса за плечи.

Имоджен не знала, что ей сказать или сделать, поэтому пошла по тропинке обратно к дому. «Я должна попрощаться с миссис Латимер», – с волнением пробормотала она.

В гостиной Имоджен обнаружила мать вместе с миссис Латимер. Они стояли у окна, наблюдая за тем, как мистер Латимер везет сына в кресле-каталке.

– Что ж, мы больше не будем вас отвлекать, – сказала Роуз. – Я так рада, что ваш сын вернулся. И спасибо вам за все, что вы сделали для Имоджен. Мы вам так благодарны. Да хранит вас Бог.

Имоджен остановилась в дверях, не зная, что еще добавить: мать, как всегда, уже сказала все, что было нужно. Когда послышался скрип колес кресла-каталки, въезжавшего в дом, все слова стали лишними. Миссис Латимер прошла мимо Роуз и Имоджен и устремилась к сыну.

Роуз обняла Имоджен за плечи:

– Пойдем, крошка... не будем мешать их встрече.

Машина ехала по Мейнор-парк, когда Имоджен заметила стоявшего на углу Дуги, который с волнением оглядывался по сторонам.

– Папа, пожалуйста, останови машину! – взмолилась Имоджен. – Мне нужно кое с кем попрощаться.

Когда «Уолсли» затормозил у обочины, Имоджен выпрыгнула из автомобиля.

– Дуги... вот ты где!

– Ой, Джинни... слава богу! Я испугался, что ты уже уехала.

– Знаю... прости, что так и не повидалась с тобой. В последние дни все было так сложно. Старший сын Латимеров, Артур, погиб в Дюнкерке, и мы с Хелен старались заботиться о них. А сейчас я уезжаю домой на лето.

Глаза Дуги наполнились слезами, когда он взял ее за руки. Имоджен знала, что родители выглянули из машины и внимательно рассматривают незнакомого им мальчика. Затем дверь машины открылась, и отец вышел из нее.

– Имоджен, кто этот молодой человек? Ты не хочешь нас познакомить?

– Да, конечно, папа. Это Дуглас Хендерсон, он учится в соседней школе.

– Здравствуйте. Как поживаете, мистер Хендерсон? – спросил отец, протягивая руку.

– Здравствуйте, – ответил Дуги, краснея.

– Что ж, Джинни, дорогая, – сказал отец, – нам нужно ехать. Путь долгий, и мы должны вернуться до темноты.

– Да, папа, конечно. Дуги, я напишу тебе. – Имоджен повернулась к другу. – Обещаю. И мы вернемся в сентябре.

– Меня здесь уже не будет, – неожиданно произнес Дуги.

– Почему? – с тревогой спросила Имоджен.

– Я пойду служить.

– Но тебе совсем не обязательно это делать, ты же еще недоучился один год!

– Ты же слышала новости. Мы нужны стране. Солдаты, мужчины.

– Но ты еще не мужчина, ты мальчик!

– Мне семнадцать, почти восемнадцать. Через неделю я уйду в армию.

– Джинни! – позвал отец из машины.

– Да, иду! – крикнула Имоджен, а затем снова повернулась к Дуги. Слезы катились по ее щекам, и она стала вытирать их пальцами. – Прости...

– Я буду вспоминать о тебе, – сказал Дуги, наклоняясь и легко целуя ее в губы.

– И я тоже буду о тебе вспоминать, – прошептала Имоджен.

Когда машина тронулась с места, она повернулась и посмотрела на Дуги через заднее окно. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и неожиданно показался Имоджен совсем юным. Она подумала, что он выглядит почти как ребенок, который еще даже не бреется. Ребенок, стоящий на пороге взрослого мира. Имоджен прогнала от себя мысль о том, что, возможно, никогда больше не увидит Дуги. Слишком уж эта мысль была печальной.

Часть вторая. Построение маршрута. 1942–1943

*Это не конец. Это даже не начало конца.
Но, возможно, это конец начала.*
Уинстон Черчилль

Глава двенадцатая

Госфорт, апрель 1942 года

Имоджен взбежала вверх по лестнице родительского дома. Она была рада, что вернулась на пасхальные каникулы. Скоро ей должно было исполниться восемнадцать. Через несколько месяцев она окончит школу, и в ее жизни начнется следующий этап – ей предстояло поступить в университет, чтобы изучать архитектуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.